

КОМПИЛЯЦИЯ

***Введение
в патологическую
антропологию
(роман)***

ЭНДИ ФОКСТЕЙЛ

Энди Фокстейл

**Компиляция. Введение в
патологическую антропологию**

«Accent Graphics communications»

2013

Фокстейл Э.

Компиляция. Введение в патологическую антропологию /
Э. Фокстейл — «Accent Graphics communications», 2013

Три ангела-хранителя смотрят на своих подопечных. Кто-то из этих людей должен сейчас умереть. Это предопределение, изменить которое вне ангельской компетенции. Градус накала тотального компилятивного беспредела давно превысил все мыслимые нормы. Спасти сюжет или, на худой конец, попытаться его спасти, может только допущение. Бессмертную сущность трудно чем бы то ни было удивить. И уж в любом случае не удивляет ее непрочность и зыбкость всего человеческого. Абсолютный Игрок – это тот, кто играет теми, которыми играют. Но допустим, что есть иное измерение и другая логика истории. «Ангел, незримо витающий над их головами, торжествует. Проект удался на славу, несмотря на обилие черновой работы. Вот он собирает ошметки Джона До после взрыва, прогремевшего в квартире Тима, и кропотливо подгоняет их один к другому, придавая покойнику максимально презентабельный вид». Любой производственный процесс требует побочного расходного материала, необходимого для того, чтобы конечный продукт имел практический смысл. Ангелы знают, что в силах предотвратить события, повергающие их в невообразимую скорбь или, по крайней мере, минимизировать последствия. Но ангел не волен. Борьба с преумножением зла – не его специализация. Возможно, есть другие ангелы, которые выручают хороших парней. Почему их не оказывается в нужном месте и ко времени – вопрос десятый. Всякая упорядоченная система возникает из хаоса. Все допустимо. Вся музыка человечества – это только семь нот. Жизнь, которую мы все проживаем – это всего лишь пять притупленных ощущений. Анализируй все, что с тобой происходит, и не исключено, что однажды твой опыт поможет тебе научиться, самому выбирать, где и когда, в какую часть тела жизнь нанесет тебе очередной терапевтический удар. Опыт и анализ – вот тебе и рычаг Архимеда. Любой исторический факт можно считать условно истинным, лишь покуда живы его свидетели. Трудно лечить отдельно взятого человека. Зато легко и приятно лечить человечество. Обнажать социальные язвы. Ковыряться в них своими

наманикюренными дотошными пальцами, облаченными в толстокожий презерватив собственного морального здоровья. Если не получается жить с достоинством, всегда можно достойно умереть. Ангел на люстре беззвучно вздохнул...

© Фокстейл Э., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Рабочий дневник	6
Тим	9
Рабочий дневник	11
Джил.	14
Рабочий дневник	16
Ангел	20
Рабочий дневник	22
Джон До	26
Рабочий дневник	28
Тим	32
Рабочий дневник	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Энди Фокстейл

Компиляция

(введение в патологическую антропологию)

Компиляция (от лат. – compilatio, букв. – грабеж) – научное или литературное произведение, составленное на основе ранее опубликованных трудов других авторов без самостоятельной творческой их переработки.

Рабочий дневник

Феномен человеческой жизни... Единственная значимая вещь, на самом деле интересующая любую из наук, какой бы там несусветной дребеденью она не занималась. Многие тысячи... Да что там! – Десятки и сотни тысяч пытливых распиздяев бездумно растрачивают свой недолгий земной век на то, чтобы постичь ее тайны. Но, не смотря на все потуги ученых мужей, жизнь сама по себе остается невразумительным набором бесчисленных допущений. Так же, как и любые попытки мало-мальски грамотным языком ее определить – остаются всего лишь бесконечной чередой более или менее завуалированных компиляций, состряпанных на основе некоего первоисточника. Которого ни одна высоколобая падла в глаза не видела. Единственной размытой приметой, отличающей их друг от друга, является лишь степень наглости и беззастенчивости компилятора. Факт: градус накала тотального компилятивного беспредела давно превысил все мыслимые нормы. Ни одной шкалы ни одного хитровыпотрошенного прибора не хватит. Смею вас уверить. Даже само понятие компиляции утратило академический смысл. Точнее, вернулось к своему истинному значению. Грабеж. Этот термин перестал иметь отношение к научной деятельности. Компиляция стала универсальной парадигмой. Сотни тысяч сюжетов, словно лоскутное одеяло соштопанных из обносков чужих идей. Обноски чужих идей, которые в свое время рождались по той же технологии. Миллионы мелодий, смикшированных пес знает, из чего. Миллиарды ежедневных комедий и драм. Журналы. Телевидение. Кино. Хрень собачья! Разница в незначительных отклонениях. В допущениях.

Компиляция – штука коварная. Чертов конструктор. Деталей немеряно. Сочлений, как угодно. Вот тебе белка. Вот тебе свисток. А вот – беличий самоучитель по использованию свистка. Ты можешь построить пирамиду Хеопса, а можешь – деревенский сортир. И то, и другое – зодчество. Все, что должно быть возведено – возведется. Поганое предопределение! Безысходность созидания. Неумолимые законы бытийности. Тайный Замысел Великого Компилятора Вселенной. Тайна – жрецы-посвященные-масоны-теория заговора-еврейский погром. А вы как хотели?! Только так. В общем, да – пирамида и сортир – не суть абсолютное тождество. Но нетождественность эта – в допущении. Кто-то сказал: – «Допустим, пирамида простоит тысячу лет. Нужнику отведем лет пять от силы. Допустим, пирамида будет удивлять человека из века в век. Нужник же внимания да не удостоится!» – и стало так. И было бы так, когда б ни физиологические потребности. Которые допущением предусмотрены не были. И в этом прелесть. В непредусмотренности. Как говорится, и ослику день рождения перепал.

Допущение – фитюлька симпатичная. Успокаивающая. Оставляющая надежду на то, что предопределение можно поиметь. Хотя противоположный вариант развития событий допустим в равной мере.

Причинно-следственный императив для допущения – пустой звук. Кодексы и катехизисы – тоже. Что радует. Что позволяет компилировать наилучшим образом. Выдавая ментальную рухлядь за революцию сознания. Пришивая новые карманы к старым штанам. Закачивая свежий силикон в дряблые ягоды. Ощущая себя первопроходцем. Будучи при этом доподлинным проходимцем.

Тим тяжело волочит ноги по тротуару. Курит. Сигарета, кстати, дрянь. А что еще, кроме дряни, может водиться у чувака, в кармане которого вторую неделю ни гроша. Который живет на социальное пособие, время от времени промышляя мелким воровством. Тим видит урну. Подходит к ней. Останавливается. Делает последние неторопливые затяжки и, похоже, намеревается бросить в урну окурочек. Странно. Это не его стиль. Хотя стиля у него нет никакого. Тим – тот еще засранец. Чистота улиц его не тревожит. Но сделаем допущение. Почему бы Тиму не воспользоваться урной?

Время – пять утра. Уик-энд. Тима дико ломает. Тиму не до наблюдений за окружающими. Тем более – пять утра. И уик-энд. Никаких окружающих вполне может и не быть. Тим не видит, как развязный чернокожий парнишка, по виду – начинающий пушер, который минуту назад заботливо обустроил в урне увесистый сверток, скрывается за углом. Тим не замечает, что с противоположной стороны улицы по направлению к нему движется бродяга. Обычный, вроде бы, такой бомж. Но походка у бродяги уверенная, пружинистая. Глаза змеиные. Немигающие. Таящие в своей глубине первобытное зло.

Тиму по фигу. Ему бы поскорее добраться до своей норы. Тим бросает окурочек в урну. Разумеется, не затушив. Урна немедленно начинает дымиться. Даже как-то очень проворно начинает дымиться. Можно даже сказать – вспыхивает.

Бродяга ускоряет шаг. Нет! Пожалуй, он бежит. Со всех ног. Так быстро, как только может. Но вдруг, откуда ни возьмись, возникает мчащийся на изрядной скорости «Шевроле» с мягким верхом. Стекла опущены. Из салона громыхают речитативы раннего Тупака.

Ни визга тормозов, ни глухого удара. «Только Бог может судить меня». Просто бродяга взлетает в воздух, поддетый капотом «Шевроле». Его тело совершает несколько оборотов вокруг собственной оси, потом, как водится, на одно бесконечное мгновение зависает над проезжей частью.

Дабы довести картину до состояния абсолютного клише: в глазах бродяги – черно-белое слайд-шоу. Горящая урна. Удаляющийся Тим. Затылок подбрит. На нем – татуировка. Гипертрофированный прямой средний палец над сжатым кулаком и подпись: «Fuck!». Во избежание разночтений. Отдельно, крупным планом, – номер «Шевроле». Не понятно, за что ему такая честь. На завтра «Шевроле», раздолбанный в задницу, с двумя трупами, точнее, фрагментами двух трупов внутри, будет обнаружен в пятнадцати милях от города.

Глаза бродяги перестают видеть. Тело обрушивается на асфальт.

Тим всего этого не замечает. Отходняк – дело серьезное. Ясен перец, Тиму невдомек, что он влип. Влипать для него не внове, но на этот раз все значительно круче. Тем более, что никто не удосужится ему объяснить, почему он должен умереть.

Бродяга все-таки выжил. Само собой, никакой он не бродяга. Порученец при серьезном подпольном бизнесмене. Должен был забрать кое-что крайне ценное из той самой урны, которую Тим по случаю сжег. Крайне ценное содержалось в пакете, заложенном в урну развязным чернокожим пареньком.

Крайне ценного не вернуть, однако моральная сатисфакция необходима. Тим приговорен. В общем-то, оплошность его пришлась кстати. Недавно в организацию вступили несколько новичков. Пусть покажут себя. Есть ли нюх, умеют ли прятать концы. Чувство юмора тоже было бы не лишним. Нормальный корпоративный тренинг.

Смахивает на завязку дешевого бульварного романа. Предпосылка – полное дерьмо. Вторична до зеленой блевотины. Дальнейшие ходы сюжета предугадать не трудно. Эпизод оттуда,

эпизод отсюда. Дурацкая открытка с приветом из двадцатого века. Кольты, браунинги, береты. Секс, драгз, рок-н-ролл. Одноклеточный уровень компиляции.

Спаси сюжет, или, на худой конец, попытаться его спасти, может только допущение. Допустим, что все не так просто. Допустим, что есть иное измерение и другая логика истории. Допустим, что история вообще не о том...

Приятная фитюлька – допущение.

На сегодня все. Завтра продолжим.

Тим

Из всех ничтожнейших человекообразных существ, когда бы то ни было населявших планету, Тим, пожалуй, был самым ничтожным. Если Господь Бог не одаривает человека талантом, он дает ему в руки ремесло. Какой-нибудь ручной навык. Работу, которая удастся ему лучше, чем другим. То, что делает его уникальным. Пусть даже в сущей мелочи. Вроде взбивания пуховых перин или утреннего омлета.

Тим же был обделен и этим. Наверное, у Творца был выходной, когда безвестных родителей Тима угораздило забыть о контрацепции.

Родителей Тим не знал. По всей видимости, и родители его не очень-то знали друг друга. Тим был зачат в результате обычной животной случки на заднем сидении допотопной колымаги 70-х годов выпуска, огромной, как Ноев ковчег. Его будущий папаша ехал по ночному шоссе, мамаша голосовала на обочине. Папаша был подмастерьем сельского коновала, а мать – безбашенной малолетней сучкой, путешествующей в поисках сомнительных приключений. Их знакомство длилось ровно два с половиной часа.

Естественно, когда мамаша Тима обнаружила в себе последствия той ночной автомобильной прогулки, прерывать беременность было и поздно, и не на что. Разродилась она в благотворительном госпитале и с радостью передала дальнейшие заботы о новорожденном обществу, тем самым предопределив Тиму судьбу социального паразита. Тим легко принял свой удел и беспрекословно ему следовал вплоть до сегодняшних дней.

Стандартный набор: приют, вереница приемных семей, каждая из которых неизменно возвращала его обратно, очень быстро поняв, что толку из малого не выйдет, совершеннолетие, временные места работы, с которых Тима вышвыривали ввиду полнейшей его неспособности делать хоть что-нибудь, социальное пособие, социальное жилье, улица, мелкое воровство, пара арестов и прочие радости жизни.

Сейчас Тим обитал в загаженной донельзя квартирке на 3-м этаже дома, предназначенного под снос. Собственно, под снос должен был идти весь квартал. Последние добропорядочные обитатели покинули его больше года назад, и теперь квартал представлял из себя очаровательный гадюшник, населенный маргиналами всех сортов. В соседнем доме обосновалась коммуна хиппи. Через дом – азиатская диаспора из неустановленной страны. Еще через дом – какая-то апокалиптическая секта. Ее адепты изнуряли себя голодом и мерли, как мухи. Впрочем, как мухи они и приумножались. Откуда рекрутировались новые аскеты – оставалось загадкой. Тех же, кто отходил в мир иной, – расчленили, запаивали в полиэтилен, паковали в почтовые ящики и рассылали через компанию «Worldwide express» по всему этому миру. В остальных домах селились одиночки – доходящие наркоманы, спившиеся бродяги, нищие непризнанные гении и просто ни на что не годные раздолбаи вроде Тима.

Тим возвращался домой. Вчера ему повезло упасть на хвост какой-то веселой компании. Всю ночь они переезжали из одного района в другой. Было много пива, много дешевого виски, временами и косячок у кого-то находился. Теперь же Тим постепенно трезвел и чувствовал себя отвратительно.

Еле-еле одолев шесть лестничных пролетов, Тим ввалился в свою конуру. И тут же понял, что пока он отсутствовал, в квартире произошли изменения. Паршивые изменения. Тим шагнул из прихожей в комнату. Кто-то вбил в потолок ржавый крюк. С крюка свисала петля. В петле болтался мертвец. Глаза мертвеца были открыты. Вместо глазных яблок в глазные впадины мертвеца кто-то вставил шарики от пинг-понга с нарисованными на них зрачками. В руках мертвец держал табличку: «Привет, Тим! Заждался тебя. Джон До.» В животе мертвеца что-то тихо жужжало. Как будто шестеренки крутились.

Тим решил обойти мертвеца кругом. Странное дело, мертвец все время был обращен лицом к Тиму. Тим делал шаг – мертвец начинал вращаться. Тим останавливался – и мертвец замирал. Тим подошел к окну и присел на подоконник. Зазвонил мобильник. Не отрывая взгляда от мертвеца, Тим медленно достал трубку из кармана и поднес ее к уху.

«Тик-так, Тим!» – произнес далекий насмешливый голос.

«Твою...» – только и успел произнести Тим, прежде чем взрывная волна вышвырнула его наружу вместе с осколками стекла, шрапнелью сорванной со стен штукатурки, обломками оконной рамы и ошметками Джона До.

Шарик от пинг-понга отскочил от асфальта и упал аккуратно в открытый канализационный люк.

Рабочий дневник

Любой производственный процесс требует побочного расходного материала. Необходимого для того, чтобы конечный продукт имел практический смысл.

Гончар замешивает глину. Глина – это основа. Вокруг нее все вертится. Кроме, разве что, гончарного круга. На котором вертится сама глина. Конечно, этим незамысловатым парадоксом можно пренебречь.

Гончарный круг – порождение технологии. Технология же по отношению к самому процессу – вторична. По большому счету, без нее можно обойтись. По крайней мере, так считает идеальный гончар.

Идеальный гончар трудится не ради прокорма. У идеального гончара в запасе много времени. Идеального гончара заботит лишь идеальный кувшин. Который когда-то выйдет из под его рук.

Идеальный гончар не обязательно должен иметь золотые руки. Руки идеального гончара вполне могут произрастать из жопы.

Идеальный кувшин может быть кособоким.

Определяющее понятие здесь – надежность. Надежность гончара заключается в намерении завершить работу. К которой он уже приступил. Которая, возможно, никогда не закончится.

Надежность кувшина – в непреклонном намерении не позволить содержимому просочиться сквозь его стенки.

Верховное божество древних шумеров гончарного дела не чуралось. В один прекрасный день ему вздумалось слепить сосуд, в который можно было бы влить душу. Слепил. Хорошо получилось. Красиво. Округло. Поставил бог человека на ноги, а те – подломились. Непорядок... Но шумерский бог был идеальным гончаром. Перелепил. Получилось менее красиво, но устойчиво. Пошел дождь. Человек размяк и расплылся. Дрянь дело...

У идеальных гончаров случаются приступы идеальной слабости.

Обычная слабость – незаконнорожденное дитя всепожирающего Молоха. Аппетит, конечно, не тот, но геморроя от нее случается не меньше, чем от родителя. Это отдельная тема.

Идеальная слабость – всего лишь пустота. Разрыв между сейчас и сейчас. Она не делает уязвимым, потому, что не измеряется временем. Она ни на что не влияет, поскольку сама она – ничто. Всего лишь отвлеченное понятие. Архетип невесты чего. Сомнение, возведенное в степень убежденности. Ноль, вывернутый наизнанку. Ухо от селедки. Мадригал здравому смыслу. Очередное допущение...

Бог собрал хвороста. Бог развел огонь. Бог решил сжечь свою неудачу. Напоследок решил еще раз перелепить. Получилось и вовсе черт-те что. Бог вздохнул и швырнул поделку в огонь. Костер прогорел и погас. К удивлению шумерского божества, поделка не сторела. Огонь сделал ее еще менее привлекательной, на вкус бога. Но она оказалась надежна. И ногами, и дождь ей был нипочем. Идеальна.

Таким образом шумерский бог ввел в обиход идею расходных материалов. Хворост не вошел в состав человеческой плоти. Искра, высеченная огнем, не запечатлелась в человеческих глазах. Искра жила долю мгновения. Костер полыхал час. Хворост стал пеплом. Пепел ушел в землю и развеялся ветром. И хворост, и искра полностью израсходовались. Не став частью идеала, они оказались необходимым условием его сотворения.

Как правило, исходные компоненты для создания той или иной вещи и расходные материалы для обеспечения созидательного процесса – разнородны. Таково свойство природы – противиться каннибализму и инцесту.

Противиться-то она может, но исключить их из списка явлений, ее составляющих, природа бессильна. Особенно, если дело касается человека и всего, что им понаворочано.

Характерный пример: – расходный материал в индустрии новостей – сами новости. События и происшествия. Ибо конечный продукт – это не репортаж по телевидению или радио и не статейка в газете. И уж тем более не общественный резонанс. Кому он вообще сдался?! Обсасывание пикантных подробностей, если таковые имеются, пляски на костях, спекуляции на обесценившихся акциях... Все не то. Основная цель – это девальвация всех и всяческих злободневных приоритетов во имя стабильности курса единственно возможной твердой валюты – никогда не умирающего завтра. Не умирающего оттого, что оно, блядь, никогда не наступит, видите ли! Вот где роется извечный шелудивый пес, кость ему в глотку.

Если допустить, что эволюция – творческий путь к совершенству, то человеческая эволюция выглядит еще менее приглядно, нежели новостная индустрия.

Стоило шумерскому богу запустить удачный прототип в массовое производство, как тот немедленно покусился на звание идеального гончара и принялся лепить сам себя. Лепить и перелепливать. Выстраивать замкнутый безотходный цикл, отведя себе универсальную роль. Сам себе сырье, сам себе хворост, сам себе конечный результат.

Само собой, конечный результат – ублюдочная химера. Фикция. Ушастая селедка. Поскольку получится совсем не то, что запланировано в начале. Но процесс запущен.

Стремление к идеалу обращается бегством от идеализма. Гуманизм – людоедством. Подспудная евгеника – инцестом. Весело.

Для того, чтобы произвести одну перспективную особь, эволюции требуется выработать сотню единиц человеческого шлака. Перспективные особи множатся. Множится и шлак. Соотношение постоянно, как не выкаблучивайся.

Перспективная особь умеет любить. Перспективная особь умеет стремиться. Перспективная особь деятельна. Перспективная особь ценит красоту. Перспективная особь умеет ее создавать. Перспективная особь – почти идеальный гончар. Единственное отличие – времени не так уж много и с терпением плоховато.

Перспективная особь любит. Перспективная особь стремится. Перспективная особь действует. Перспективная особь наслаждается прекрасным. Потому, что она это умеет.

Перспективная особь отказывает шлаку в своих умениях. Перспективная особь считает, что шлак – бессмысленен. Ни черту кочерга, ни богу – свечка. Или наоборот. Не важно.

Тем не менее, перспективная особь проявляет заботу о шлаке, чуя нутром, что дрын ей с маковкой, а не дальнейшее совершенствование, без малых сих.

Джил спит. Лежа на животе. Ее голова как-то неестественно вывернута вправо. Веки Джил до конца не смыкаются. Такая анатомическая особенность. В щели между веками видны белки глаз. Синеватые. Оттенка дорогого фарфора. Кожа лица у Джил, хотя и гладкая, выглядит нездоровой. Какая-то бледность, что ли... Неравномерная бледность. Пятнами. Очень нечеткими. Граница между бледными участками и более живыми – сильно размыта. Наверное, с расстояния пяти шагов эта пятнистость не заметна. Просто невзрачное лицо. Волосы у Джил пегие. Совершенно неухоженные и спутанные. Одна прядка налипла к верхней губе и вздрагивает в такт дыханию.

По векам пробегает судорожная рябь. Зрачки за веками мечутся вправо-влево. Джил видит сон.

Джил в больнице. Она под капельницей. В палату заходит медсестра. Внешность медсестры безукоризненна. Совершенные пропорции точеной фигуры, невыносимо правильные черты лица. Наверное, так должны выглядеть ангелы. Или же лучший из лучших экземпляр перспективной особи.

Вот только взгляд... Антрацитовый блеск радужной оболочки. Непроницаемая темень зрачка. Неподвижность. Так смотрели сквозь стекло витрины роскошно разодетые куклы, на

которых Джил любила глазеть в детстве. Куклы были красивы. Это восхищало и притягивало Джил. Куклы казались ей зловещими. Из-за взгляда. Это повергало ее в липкое холодное оцепенение, но тоже – притягивало.

Джил понимает, что медсестра – одна из тех кукол. В руках медсестры – бутылка с лекарством. Джил знает, что на самом деле в бутылке – жидкая змея. Юный боа-констриктор. Как только в ее вены вольется последняя капля, удав обретет приличествующую рептилии плоть. Сожмет своими кольцами каждый ее внутренний орган, плоская треугольная голова через пищевод проникнет в череп, прогрызет верхнее небо, заглочит мозг и взглянет на мир глазами Джил.

Джил не сопротивляется. Даже не пытается проснуться. Нельзя сказать, что ей не страшно. Очень страшно. Но... Кошмар во сне, кошмар на яву... – какая разница?...

Возможно, ей невдомек, что она живет в кошмаре. Или кошмар в ней. Этаким симбиот. Отними у Джил ее кошмар – ничего не останется. Джил не знает других снов. Джил не знает других чувств. Идеальный объект для жалости.

Смотрите, перспективные особи!: – вот он, расходный материал, используемый эволюцией для того, чтобы вы, прекраснотицы мрази, могли и дальше совершенствоваться физически и духовно, становясь длиннее костяком, округлее в ляжках и возвышеннее в помыслах своих... Человеческий шлак. Шлаком и останется. Если только не допустить, что...

Забавная, все-таки, фитюлька – допущение. Встретимся завтра.

Джил.

Из всех безотказных девиц, когда бы то ни было населявших планету, Джил, пожалуй, была самой безотказной. Когда ей говорили: «Пойдем!», она шла. Когда ей говорили: «Ложись!», она ложилась. Ей говорили: «Перевернись!», «Нагнись», «Раздвинь!» и прочее в том же духе, – она исполняла. Сама она инициативы не проявляла никогда. Не то, чтобы она не понимала, зачем это нужно, хотя и это тоже. Джил попросту не подозревала, что инициатива может исходить от нее. Точно так же она не ведала, что существует возможность отказа. Что существует возможность выбора. И она в праве его делать.

Впрочем, и согласием ее безотказность назвать было нельзя. Скорее, она определялась полным безразличием. А безразличие основывалось на неспособности различать.

По сути дела, Джил являлась скорее вещью, нежели человеческим существом. Джил не была идиоткой. Или же не производила впечатления таковой. Аутисткой она тоже не была. Те, кто с ней общался, принимали ее за вполне обычную девчонку, которой хронически не везет в жизни. В этом была бы немалая доля истины, если бы Джил знала, что такое везение.

Но с другой стороны, Джил была по-своему удачлива. Чего, разумеется, тоже не осознавала. Хотя окружавшая Джил вселенная представлялась ей враждебной и совершенно не предназначенной для комфортного ее существования, что и норовила продемонстрировать ей при каждом удобном случае, Джил никогда по-настоящему ничего не боялась. Маленький зверек страха жил в ней с самого рождения. Зверек никогда не спал. Зверек постоянно ел. Его пищей была Джил. Но корм оказывался не в коня. Крысеныш не желал превращаться в крысу.

Может быть, оттого, что хотя вокруг Джил и вблизи нее то и дело происходила всякая сраная всячина, – кого-то из ее знакомых грабили, кого-то – убивали, кто-то сам накладывал на себя руки, кто-то сам убивал и грабил (наверняка многие из тех, с кем Джил спала, промышляли именно этим) – самой Джил все это странным образом не касалось. Даже венерические сюрпризы и нежелательные беременности миновали ее.

Как сказал бы доктор Менгеле: «Медицинский парадокс! Тех, кому лучше бы не жить, смерть щадит. Будем исследовать!»

Джил работала официанткой в ночном заведении Лекаря Бенджи. Никто из персонала заведения никогда не видел его в живую. У Лекаря Бенджи было много подобных заведений. Ходили слухи, что Бенджи на самом деле – большая правительственная шишка и ворочает такими делами, о которых лучше бы даже не задумываться. Кто-то однажды во всеуслышание предположил, что Бенджи и не подозревает о наличии у него собственности, подобной забегаловке, в которой работала Джил. А раз так, то почему бы заведению хоть разок не сменить инкассаторов? Это было его последней ошибкой. На следующую ночь диковинный воздушный шар, повторяющий очертания этого кого-то и сшитый из его же кожи, наспех обработанной местным таксидермистом, парил над крышей заведения.

«Мы должны защищать свои инвестиции»...

Джил видела этот шар. Ее слегка передернуло, малость стошнило, но не более. Джил даже не соотнесла свою тошноту с увиденным зрелищем. Подумаешь, вырвало. Как правило, нас шокирует то, что потенциально может случиться и с нами. Применительно к себе Джил подобной возможности не рассматривала. Никто никогда не угрожал ей смертью. Да и с чего бы?..

Джил проснулась в незнакомой квартире. Джил не удивилась. Так случалось почти ежедневно. Всегда находился тот, кто говорил: «Пойдем!» Сперва Джил оглядела обстановку. Обшарпанные стены, пара криво висящих постеров, несколько барных табуретов, стеклянный стол, заваленный всяким барахлом. Ничего особенного. Затем Джил оглядела себя. Лифчик и

футболка с Микки-Маусом были на ней. Юбка и трусики отсутствовали. Похоже, вчерашний кавалер очень торопился. Юбку и трусики Джил обнаружила потом на столе.

Одевшись, Джил поплелась в туалет. Джил открыла дверь туалета. На унитазах сидел мертвец. Его горло было перерезано. Голова откинута назад. Нарочно, скорее всего. Чтобы можно было разглядеть подробности. Вход в пищевод, распахнутую трахею, бахрому разорванных артерий. Палец мертвеца упирался в стену. Палец ставил точку. Точка завершала вопросительный знак. Вопросительному знаку предшествовал текст: «Привет, Джил. Симпатичное у меня горлышко, правда? Хочешь такое же?». Вместо чернил мертвец использовал собственную кровь. Точка была еще свежей, алой, но в начале текста слова запеклись. Грязно-коричневые неровные буквы. Крысеныш страха внутри Джил неожиданно стал прибавлять в росте и весе.

Джил попятилась обратно в комнату. Джил обернулась. На кровати, с которой она поднялась всего три минуты назад, лежал мертвец. Тот самый, которого Джил только что встретила в туалете. Правая рука мертвеца указывала на потолок. Крысеныш рос невероятными темпами.

«От меня не скроешься, Джил. Хотя, можно и побегать. Чеши отсюда, сука! Считаю до десяти. Джон До.» – прочла Джил, переводя взгляд туда, куда указывал окровавленный палец мертвеца.

Крысеныш вырос. Крысеныш превратился в крысу. Крыса завладела всем существом Джил. «Бежать! Очень быстро! Неважно куда! Лишь бы подальше!» – вопила крыса в мозгу Джил. Джил чувствовала, как от тазовых костей внутрь ее собственных ног прорастают резвые крысиные лапы. И эти лапы уже несли ее к выходу. «Один, два, три!» – пищал крысиный голос в ушах Джил. На восьмом счете она была уже на улице, у перекрестка. Куда? Направо? Налево? Крыса решила на мгновение остановиться и оглядеться. Крыса взглянула на небо. На небе творилось что-то жуткое. Джил помнила, что когда она спросонья мельком посмотрела в окно, за окном был солнечный день. Теперь же со всех сторон набегали жирные красно-черные тучи, удушая трепещущий лоскут синевы, который все еще боролся за жизнь прямо над головой Джил. На счет девять его борьба закончилась поражением. Крыса метнулась вправо. На счет десять в то место, где только что стояла Джил, ударила молния. Высоковольтный разряд прошел сквозь асфальт, оставив в нем дыру диаметром с кулак, ушел на семь футов вглубь и закоротил силовую кабель. По пути наименьшего сопротивления ток ушел на ближайшую подстанцию. Предохранители не сдружили. Подстанция взорвалась.

Крыса была уже далеко.

Рабочий дневник

Институт судопроизводства в том виде, в котором мы его имеем (как социальное явление) и который в свою очередь имеет нас (в том самом качестве) – есть продукт неумолимого извечного стремления человека реорганизовать вселенную по образцу своего внутреннего устройства.

Все участники судебного процесса под кальку срисованы с забавных персонажей, порожденных изначально шизофренической человеческой натурой.

Есть некий внутренний судья, с той или иной степенью беспристрастности штампующий вердикт за вердиктом.

Есть внутренний прокурор, в подчинении которого состоит целая свора тайных агентов-следователей. Прокурора зовут совесть.

Есть внутренний адвокат, постоянно отмазывающий обвиняемого от наездов внутренней прокуратуры.

Само собой, бессменный обвиняемый, равно как и терпила-истец, так же наличествуют.

При необходимости можно собрать присяжных. В каждом из нас непременно сыщется дюжина говнюков, от юриспруденции далеких, но постоянно готовых методом орлянки решать чужие судьбы.

Хотя при первом приближении механизмы персонального и социального судов выглядят одинаково, работа этих механизмов имеет немало отличий.

Внутренний обвиняемый никогда не был никем другим. Если для того, чтобы во внешнем мире закрутилась машина следственно-обвинительного аппарата необходим факт преступления, то внутренние легавые в подобном побудительном импульсе не нуждаются. Нашкодил там обвиняемый, не нашкодил, нашкодит ли вообще когда-нибудь – им насрать. Они работают без передышки. С самого рождения до самой смерти. А то и после нее. Трудоголики хреновы.

Внутренний судья никогда не уходит в отставку. Каких бы косяков, как с точки зрения формального законодательства, так и с позиций очевидной справедливости он не напорол, черта с два его спихнешь с председательского кресла. Это – данность. Предопределение, если угодно. В одном из самых стремных и неблагоприятных своих проявлений, кстати говоря.

Внутренний адвокат... О, этот внутренний адвокат! Об этом ушлом прохвосте можно сложить сагу. Притом не одну.

Если внутренний прокурор и внутренний судья у каждого свои, то внутренний адвокат – один на всех.

Внутренний адвокат, в отличие от обычного, работает бесплатно. Готов и сам приплатить, лишь бы обеспечить себя работой.

Внутренний адвокат – единственная паскуда, которая никогда не проигрывает ни одного процесса. Во всяком случае, сам он в этом убежден стопроцентно. «Проиграть – значит признать поражение.» – его любимое присловье.

Даже в заведомо проигрышных для него тяжбах, когда позиции прокурора кажутся незыблемыми, внутренний адвокат продолжает одерживать победу за победой. Раунд за раундом. Он знает, что выиграет если не нокаутом, то по сумме очков.

Конечно, случаются неприятности и у него. Скажем, сдулся засранец-обвиняемый в ходе судилища, да и наложил на себя руки, прокурорскому совету последовав... Тогда внутренний адвокат вопит на весь мир о надругательстве над святой святых правовой системы, убеждая всех, что его не пригласили на процесс. Или забыли разбудить. «Не участвовал в схватке – значит не проиграл» – еще одно любимое присловье. С него взятки гладки. Ну, а смерть клиента... Что ж, случается форс-мажор.

Вот уж, во истину, адвокат дьявола!

Впрочем, внутренний адвокат и есть – дьявол. Юркий изворотливый гаденыш, патологически лживый и умеющий извратить в свою пользу любой из даров Божьих.

В распоряжении внутреннего адвоката имеется неиссякаемый источник для апелляций – свобода воли.

Виртуозно подменяя понятия, он давит на высокий суд тем, что право человека определять свой удел собственными поступками – ни что иное, как величайшее принуждение. Циничная провокация, призывающая немедленно поддаться всем возможным искушениям и сожрать с черешком все на свете запретные плоды.

«Чего вы хотите от человека?!» – верещит адвокат – «Он же гребанный неумеха! Откуда ему знать, что правильно?!» Адвокат сознательно избегает абсолютных категорий. Ни тебе добра, ни тебе зла. Одно лишь «правильно». Обтекаемое. И обтекающее. Темно-коричневой эйфоризирующей слюной внутреннего адвоката. В которой перемешались чернышка-опиум, сиропный раствор афганского башика и десяток снадобий псилацибиновой группы. Для пушного прихода.

Одурманенный высокий суд не в состоянии с ходу вычислить слабое (оно же – ключевое) звено в безупречной с виду логической цепи. Адвокат получает аплодисменты и раскланивается. Еще одна победа. Пусть даже временная. Когда там они еще очухаются, переломают абстинентный синдром и заведут бодягу сызнова. Сплетем еще одну цепь. Наколдуем еще пьянящей дряни. Случится нужда – повысим ТД (терапевтическая доза). Ошибемся в дозировке и ненароком ЛД (летальная доза) впрыснем – тоже не страшно. Прозекторы и гробовщики – лучшие специалисты по прекращению тяжб.

Еще одна победа. «We are the champions, we a-are the chaaampions...» – тра-ла-ла-ла-ла-ла-ла.

Однако, в чем мерзавец абсолютно прав, – свобода воли – тот еще подарочек. Первородная шизофрения рода людского, благодаря которой существует весь этот черномазый внутренний синклит святош, грешников, трудяг и тунеядцев, находится со свободой воли в тесной родственной связи. Настолько же тесной, насколько и сложной. Но речь не о ней.

Лишенным свободы воли во многих отношениях проще. Цельность природы позволяет быстрее и легче достигать совершенства. Нет необходимости в выборе миссии – соответственно исключена возможность разбазаривания ценного времени на то, что у людей называется «поиском себя». Остается лишь оттачивать уже существующие навыки и содержать в порядке необходимый инструментарий, не забывая периодически проводить апгрейд.

Отсутствие свободы воли предполагает однозначность морали. Однозначная мораль исключает сомнение и необходимость оправдывания или же, более точно, бесконечного обосновывания своих действий. Что, в конечном итоге, позволяет не стесняться в выборе средств.

Ангел парит над большим городом. В городе миллионы людей. Каждую минуту в городе что-то происходит. Обычное, затасканное. Вот ловкий карманник в толпе на пешеходной улице подрезает сумку у дамочки, щебечущей с кем-то по сотовому. В сумке пара кредиток, немного наличных и упаковка оральных контрацептивов. Еще десяток флаеров, приглашающих на какие-то распродажи и тюбик дешевой гигиенической помады. Не густо. Ангел знает, что воришка будет разочарован. Разочарование породит спортивную злость. Злость сподвигнет на новые свершения. Разочарование и злость... Ангел ставит галочки напротив этих пунктов.

Вот полицейская погоня. Гладко выбритый мужчина средних лет в дорогом белом костюме за рулем «Кадиллака» удирает от полицейского «Форда». Он – популярный телеповедник. Торговец фальшивыми чудесами. Но паству подкупает благостная поволока в его взгляде и гипнотическая проникновенность его речей. Он отличается от своих собратьев по ремеслу тем, что ему одному удастся окончательно и бесповоротно убедить телеприхожан в собственной безгрешности. И нетерпимости к греху. Он готов карать грех в любой момент и в

любом месте, где бы с ним не повстречался. При нем всегда невидимый огненный меч, якобы врученный ему самим архангелом Гавриилом.

Зачем бы этому святому человеку бежать, спрашивается? Все очень просто. В его багажнике – большая дорожная сумка, в которой содержатся несколько занятых вещей: два открытых латексных костюма, три намордника, наручники с шипами вовнутрь, пара баночек с лубрикантами, слоновьих размеров дилдо и десяток порнографических дисков с тайскими мальчиками. И еще фотоальбомчик с любопытными снимками самого пастора при участии всех вышеперечисленных предметов и одного из наиболее ревностных прихожан.

Пастор представляет себе, как все могло бы произойти: – он законопослушно останавливается по требованию копов. Не дожидаясь предложения выйти из машины, сам с лучезарной улыбкой покидает водительское кресло и направляется им навстречу. Ничего особенного он не натворил. Нарушение правил парковки или что-то вроде того. Однако глаза то и дело предательски косят в сторону багажника. Один из полицейских это замечает.

«Откройте багажник, сэр!» – приказывает он. Пастор бледнеет, на лбу выступают мелкие бусины пота. Колени слабеют. Но багажник он открывает. Сумка не застегнута. Ее содержимое представлено на всеобщее обозрение. Фотоальбом раскрыт на самой перченой странице. Лобастая голова слоновьего дилдо тупо таращится из бокового кармана.

Полицейский гадливо морщится и с плохо скрываемым отвращением смотрит на пастора. Ничего противозаконного, разумеется, но полицейский – нормальный парень, женат, две очаровательные дочурки-близняшки. Здоровая семья, милые семейные ценности. Таких вот выродков он никогда не понимал.

Коп внимательно вглядывается в лицо извращенца и вдруг узнает его. Это же тот самый проповедник, передачи которого так любит смотреть его набожная супруга.

– Вот так так! – цедит полицейский сквозь зубы – Славный набор... преподобный!

Это конец. Полицейский не преминет рассказать обо всем жене. Та – подругам, тем мужьям... Очень скоро об этом узнают все. Его карьера лопнет, как идиотский мыльный пузырь на благотворительной ярмарке. Не будет больше жертвований... Прощайте, дорогие костюмы. Жизнь – прощай... Какая, в жопу, совесть?! – Страх. За собственную грязную шкуру. Он диктует пастору, как действовать. Конечно, пастор предпочитает не останавливаться и пытается ударить.

Страх порождает ярость. Средоточие ярости – в правой ноге, вдавливающей гашетку акселератора в пол.

Пастор не ахти какой водитель, но сейчас он – ненавидит. Тех, кто настигает его. Тех, кто хочет отнять у него все, из чего складывается его жизнь. Ненависть заставляет его быть предельно сконцентрированным. Каждое движение – исключительно выверено, каждый опасный маневр удаётся великолепно.

Кадиллак пастора вылетает на встречную полосу, чтобы обогнать семейный минивэн. Впереди крутой поворот. Полицейский «Форд» не рискует, держится максимально близко к разделительной, но все еще в своей полосе. Перед самым поворотом пастор подрезает минивэн, задевая его бампер правым задним крылом. Водитель минивэна от неожиданности бьет по тормозам. Корму машины резко уводит вправо. Полицейский «форд» разносит в хлам водительскую сторону минивэна. Зазевавшийся водитель встречного грузовичка таранит его пассажирскую сторону. Никто не успевает ничего понять. Семь выколоченных из тел душ откуда-то сверху наблюдают медленный взрыв. Пастор видит в зеркале заднего обзора маслянисто-черные клубы дыма и языки багрового пламени. Спасён...

Страх, ярость и ненависть – отмечает про себя ангел.

Если верить тому, что мы знаем об ангелах, подобные зрелища должны повергать их в невообразимую скорбь. Допустим, что так оно и есть.

Ангел знает, что в его силах предотвратить такие события, или, по крайней мере, минимизировать их последствия. Но ангел и пальцем не шевельнет. Поскольку не волен. Борьба с преумножением зла – не его специализация. Возможно, есть другие ангелы, которые сутки на пролет занимаются именно этим – гнобят всяких пидоров и выручают хороших парней. Почему их не оказывается в нужном месте и ко времени – вопрос десятый.

Так что этот ангел лишь фиксирует события, по возможности примечая то, что он сможет использовать для решения своих собственных задач.

Таково допущение дня. Завтра увидимся.

Ангел

Из всех ангелов, когда-либо сотворенных Господом Богом, этому ангелу повезло меньше прочих. И чином ангельским он не вышел, и работенка ему досталась, прямо скажем, паршивая. Если его собратьям доводилось быть ангелами-вестниками, ангелами Смерти, ангелами Возмездия, иметь дело с гениями и пророками, то на попечении этого ангела находилось самое ничтожное человеческое отребье. Вокруг и с подачи его коллег кипели страсти, возводились и рушились храмы, зарождались, выросли и вымирали народы и восторженные небесные светила плясали чумовой краковяк. А этого ангела окружало дремучее болото. Одни и те же унылые звезды, один и тот же бестолковый и безликий контингент. Ангел не запомнил имен тех, с кем работал. Вряд ли он вообще знал, что у них есть имена.

За что ему достался такой удел, ангел не задумывался. Ему и в голову бы не пришло возмутиться и потребовать себе лучшей доли. Он просто делал свое дело, как умел. Умел плоховато, но своеобразно. Крайне своеобразно.

Вчера у ангела было полно забот. Так всегда бывает, когда приступаешь к новому проекту. Смешно: отчетливо представляя себе финал, никогда не знаешь, с чего начать... Даже когда поймешь, на какие клавиши нажимать и за какие ниточки дергать, начало по-прежнему остается проблемой проблем. Да если еще и с фантазией кисловато...

Поэтому ангел полагался на удачу. Благо, ангелам, в отличие от смертных, она улыбается непрестанно. Как правило, за счет самих же смертных. Издержки обладания свободой воли...

Ангел просто болтался между небом и землей, ожидая, когда что-нибудь произойдет. Глазел на то, на се... Обычный зевака. Даром, что ангел.

Тот самый невнятный шепот удачи ангел слышал, пролетая над деловой частью города. Удача бормотала на 57-м этаже стеклянного небоскреба, сверкающего на солнце, как только что облизанный леденец. Запах от небоскреба исходил приторный. Пахло шикарными галстуками, дорогими блядьми и головокружительными деньгами.

Повинуясь призыву удачи, ангел слетел к нужному ряду окон и, определив то из них, от которого смердело деньгами и блядьми резче прочих, прилепился к стеклу. Потом, вспомнив о природной своей бесплотности, проник вовнутрь и обосновался на тяжелой бронзовой люстре.

В помещении находилось двое мужчин. Первый из них вольготно расположился на безразмерном кожаном диване, поглаживая ручного хорька, свернувшегося рядом с ним калачиком.

Второй стоял на почтительном расстоянии, аккуратно под люстрой, и, по всему судя, делал доклад:

– ...ничего не осталось. Винс, похоже, больше не боец. Головой повредился. Заикается и глазом дергает постоянно. И хихикает все время. Как дурень хихикает. Иногда отключается, скалится, что твой пёс, и будто внутрь себя смотрит. А потом снова хихикает. Жуть.

– Не ссы, Джейк. Это его жуть. До тебя этой жути дела нет. Ты уверен, что все произошло случайно?

– Уверен, сэр. Аналитики по-всякому раскидывали. Вероятность намеренного вмешательства полностью исключена.

– Что с парнем? Нашли?

– Разумеется, сэр!

– Кто таков?

– Обычный панк, сэр.

– Не нравятся мне панки, Джейк. Воняют... Знаешь, Джейк, за что я люблю хорьков? – спросил первый, взял хорька за шкурку и, подняв его на уровень глаз, повернул мордой к себе.

– Нет, сэр! – ответил второй.

– Я люблю хорьков – продолжил первый, пристально разглядывая своего питомца – за то, что вонь этих животных способна спасти им жизнь. Догадываешься, почему так происходит?

– Скажите, сэр!

– А потому, что хорек знает, когда нужно вонять. Все остальное время это на редкость чистопахнущий зверь. Никакого неприятного запаха. Вообще – ни-ка-ко-го запаха. Чего не скажешь о нашем приятеле. Этот воняет постоянно. Даже здесь чувствуется. Полагаю, если его не станет, нам это зачтется за добродетель. Как считаешь, Джейк?

– Согласен с Вами, сэр.

– Раз согласен, отправь пару мальцов, пусть его определяют. Но только так, чтобы парень перед смертью хорошенько обделался. Проявим великодушие, позволим вонючке напоследок повонять от души. Все, Джейк, ступай.

– Да, сэр, – сказал второй, по-военному четко развернулся и покинул помещение.

Первый бережно опустил хорька обратно на диван, встал, потянулся, хрустнув суставами, и прошел к огромному, во всю стену окну, за которым томно извивался в мареве выхлопных газов большой город.

«Фата моргана, мать ее!» – подумал первый. Затем он посмотрел вниз, на оживленную улицу, по которой туда-сюда сновали курьеры, спешили на ланч мелкие клерки и торговали несуществующими тайм-шерами уличные фармазонщики. На лице первого образовалась брезгливая усмешка.

Ангел отделился от люстры, подплыл к первому и завис рядом с ним. Ангел так же глянул вниз. Ангел не заметил внизу ничего, что могло бы вызвать брезгливость. Ангел пожал плечами и выскользнул во вне.

Начало было положено.

Рабочий дневник

Несколько смешных вещей... Любой конструктивный, с точки зрения человека творческого, процесс основан на паре-связке деструктивных предпосылок. Причем предпосылок этих требуется не столь уж и много. В конечном счете все сводится к двум основным понятиям – чувство и желание. При желании основные чувства можно пересчитать по пальцам. Пальцев двух рук вполне достаточно. С желаниями и того проще. Их всего два. Либо усилить чувство, либо его истребить. Иные особо выдающиеся мыслители идут еще дальше, низводя все человеческое к одной единственной паре-связке. Да и из той норовят сотворить ублюдка-гермафродита. Один печально, но широко известный козлобородый австрийский морфинист ухитрился произвести ползучую революцию в умах современников и потомков, поставив во главу угла необоримый фаллос.

Положенный на Вы. Помноженный на Я. Повязав чувство физической любви, оно же – инстинкт к продолжению рода, с желанием реализовать это чувство максимально возможное количество раз. Полученный гибрид морфинист обозвал либидо и, пользуясь этим словечком, будто магическим заклинанием, принялся во всю врачевать скучающую публику, изгоняя из нее бесов, которыми сам же был одержим пуще остальных. Мудак, одним словом.

Может возникнуть вопрос, отчего ваш пок. слуга полагает репликацию себя в потомках явлением деструктивным? По той лишь причине, что действия, направленные на продление существования биологического вида в целом, разрушительны для каждой отдельно взятой его особи. Хотя, безусловно, приятны... (по здравом размышлении – издевательская компенсация). Дуализм, знаете ли. Пара-связка. Сунь-вынь. Инь-ян. Тянитолкай долбаный.

Если же говорить о естествознании во всех его проявлениях, то парой-связкой, заставившей человека его придумать, были страх – как чувство, и потребность в освобождении от него – как желание.

Животный страх перед неведомым. Заставляющий ползать на брюхе и безнадежно скулить на луну или еще на какую небесную шнягу. То ли моля о пощаде, то ли о немедленной смерти.

В начале времен природные явления объяснялись происками шалопутных духов-невидимок. Крайне иррациональная парадигма. Ничего не объясняющая и лишь нагнетающая жути.

Затем духи подросли в статусе. Явились боги. Обросшие свинячьей щетиной человеческих качеств и ставшие более понятными. Или доступными. Во всех смыслах. С одной стороны, иррациональности ubyло, но с другого боку немедленно вырос трансцендентный чирей. Размеров чудовищных. Нарывающий сгнившей лимфой многочисленных неувязочек. При этом весьма болезненный. Но стоило ему лопнуть, как все, казалось бы, встало на свои места. Наркоманов-оракулов сменили пророки-трезвенники. Боги сдохли. Но открылся Бог. Истинный. Суций извечно. Простая, светлая, все объясняющая концепция. Но совершенно непознаваемая. С человеческой точки зрения ничуть не менее иррациональная, нежели бытовавшие до прежде.

Ну, а человеку, твари безмозглой, но с амбициями, только того и надо. Едва придушив страх животный, убийственный, с помощью страха Божьего, животворящего, он тут же восстал против единственного своего союзника и покровителя.

«Бог умер!» – изрек очередной культовый чудила. Бог не замедлил доказать обратное на собственном примере этого чудака. Бородатый анекдот.

Так или иначе, до какого-то момента богоборческий метод рационального познания мира работал. Прекрасно описывая подоплеку чего угодно, начиная с траектории падения дерьма облегчившейся в полете птахи, заканчивая взаимно притяжением космических тел. Математический аппарат благополучно довлел несложным набором алгебраических функций.

До тех пор, пока пытливым умам от червивых ньютоновских яблочек не стало нехорошо. До тех пор, пока их не перестало удовлетворять ограниченное общее и дисциплинированное частное. Непременно нужно было все испохабить. Взлететь выше. Нырнуть глубже.

Какова же случилась досада, когда выяснилось, что для математического описания бытия великанов и карликов нужно вводить в обиход то, чего не может быть! Неслыханное допущение. Мнимые величины, ноль, вывернутый наизнанку, ушастую селедку, идеальную слабость, лепет идиота и озарения анацефала. Любую потустороннюю чушь, лишь бы только оправдать существование невозможного.

«Бога нет!» – заявил Кант. Что-то там еще про звездное небо и категорический императив. Знать бы еще, что это за дерьмо такое.

«Не бывает атеистов в окопах под огнем!» – спел русский панк-рокер.

Господь усмехнулся и сказал: «Когда ж до вас наконец-то допрет?!»

«Что допрет, Господи?» – можно спросить, но лучше промолчать. Еще лучше – не лезть туда, куда тебя не просят. А именно в величайшую западню, которую устроил Всевышний для всех и всяческих демонов, чертей, бесов и бесенят. Пальцем деланных демиургов. Демона Максвелла и человека творческого включая.

Чем дальше и шустрее удаляешься от первобытного невежества, сокрушая его удушливые джунгли блистающим мачете естествознания, которое кажется таким надежным, таким материальным, тем глубже и безвозвратней увязает в зыбучем песке таких абсурдных, таких антиматериальных допущений, что в пору самому себе ампутировать мозг и употребить его на ланч. Приправив уксусом или лимонным соком. Кому что нравится. Хоть какая-то польза...

Граница между физикой и метафизикой становится все призрачней. Научная терминология – все сказочней. Методы научного исследования неумолимо сближаются с шаманскими практиками.

Множественность миров и многомерность пространства – наиболее родственная древнейшему фольклору гипотеза. Миры и измерения не существуют в полной изоляции друг от друга. Какая-то неуловимая текучая падла их соединяет. Или сшивает. Или склеивает в аппликацию.

Звероподобный неандертальский колдун ликует.

«Говорил же я вам, суки?! – Швырни в костерок пук чудо-кореньев, сунь башку в дым – и лети! Хлебни волшебного сока, погляди в ручей – и плыви! На хера огород городить?!»

Струющаяся вода и ветер – как порталы между вселенными. И то, и другое – поток. Доверься потоку и он унесет тебя куда угодно. Только не забудь его сперва отыскать. Нашел? Умница! Теперь постарайся в него войти.

Если ты шаман – говно вопрос. А если нет? Ну, сдохнуть попробуй. Будет тебе поток...

Харон чувствует себя неплохо. Мошна полнится с каждым вновь прибывшим.

Аид жизнерадостности Харона не разделяет. Тесновато нынче под землей. Демографический взрыв разносит царство мертвых в дрова. Неконтролируемый прирост населения опустошает казну.

«Я убью тебя, лодочник!» – орет он, завидев очередного иммигранта, вскарабкивающегося на дощатый пирс.

Харон ухмыляется, протягивает в сторону Аида согнутую в локте руку со сжатым кулаком и медленно распрямляет средний палец...

На берегу сидят рыбаки. Закинув удочки. С леской в этих краях трудно. Приходится использовать собственные жилы. Растянутые для просушки между кольями, вбитыми в песок вдоль всего берега. В отсутствии солнца высушить их нелегко. То и дело подгнивают и лопаются со звуком раздавленной жабы. С грузилами, крючками и поплавками – вообще швах. Поэтому их функции выполняют головы рыболовов.

Сморщенные головы качаются на волнах Стикса. Клацают желтыми зубами, стараясь схватить проплывающих мимо белоглазых рыб. Рыбы плывут как вниз, так и вверх по течению. Или же Стикс течет в обе стороны... Рыбы – это люди, которым еще предстоит родиться в одном из бесчисленных миров, сквозь которые протекает река смерти. Которые она соединяет. Или сшивает. Или склеивает в аппликацию. Жизнь повсюду разная. Смерть одинакова везде.

Иногда какая-нибудь голова-поплавок обрывается с леси и отправляется в долгое путешествие.

Время от времени ее выбрасывает на берег. Голова открывает давно опустевшие глазницы и оглядывает местность. Голова адаптируется к новым условиям и отращивает себе подходящее тело. Она всерьез намерена здесь задержаться. Но каждый новый мир вскоре отторгает ее, как организм реципиента отторгает донорскую ткань. Обычно голова не протестует и плывет себе дальше, то ли вниз, то ли вверх по течению. Или в обе стороны сразу.

Но порой голова проявляет странную, вряд ли понятную даже ей самой настойчивость. Снова и снова выплывает она на тот же самый берег, в одном и том же месте.

Река мертвых ей в этом помогает. Она вовсе не гонит голову от себя. Она знает, что рано или поздно их совместное путешествие продолжится. Но пока время не настало. Что-то удерживает голову здесь. Для чего-то она здесь необходима. Как только эта необходимость исчезнет, прекратятся и упрямые попытки вернуться.

Он обитает в рыбацком поселке. У него щербатая хижина с камышовой кровлей. Нужды в более основательном жилище нет никакой. Климат здесь устойчивый. Небо всегда затянуто тяжелыми тучами, но дождей никогда не бывает. Унылая растительность живет в постоянном настороженном ожидании урагана, но испокон веков здесь не случилось ни малейшего ветерка.

Единственное, что меняется в поселке – это река. С каждым днем она подступает все ближе к домам. Невозможно понять, становится ли она полноводней. Она столь широка, что противоположного берега попросту не видно. Вполне возможно, она отступает от него ровно на столько же, насколько прибывает здесь. Может быть, река лишь меняет русло. Никто в поселке не торопится его покидать. Сегодня река ближе, завтра дальше. Какая разница.

Каждый день он идет к реке. Устраивается в одном и том же месте. Забрасывает в воду свои удивительные снасти. Он закатывает выше локтя рукава ветхой рубахи. На локтевых сгибах – странные надрезы. Похожие на жабры. Но это не жабры. Сквозь эти надрезы выходит леска. Когда он садится, скрестив ноги, закрывает глаза и кладет руки на колени ладонями вверх.

Стремительные лески-вены вырываются из надрезов, взмывают ввысь и опадают в реку. Где-то далеко от берега. Ни грузил, ни крючков. Однако, течение лишь натягивает их, не спутывая и не обрывая.

В реке плавают рыбы-сны. Их-то он и промышляет. Вот рыба видит лесу, подходит к ней, останавливается, тупо шевеля костистыми плавниками. Потом заглатывает ее. На концах лесы – тысячи мелких присосков, которые тут же прилипают к рыбьему нёбу, не давая рыбе улизнуть.

Сознание сидящего на берегу перетекает по вене-леске в рыбье нутро и проживает заключенный в ней сон. Таких снов он пересмотрел уже много. И много еще пересмотрит. Все они одинаково начинаются и заканчиваются одним и тем же. То, что между – разнится. Разве что незначительные детали совпадут.

Он не знает своего настоящего имени. Он не понимает, зачем он здесь. Ему известно, что когда-то он был с рекой одним целым. Ее неизменным спутником. И что когда-нибудь, когда придет время, он вновь соединится с рекой. Его сознание как обычно волеется в рыбу, но не для того, чтобы грезить. Оно вывернет рыбу наизнанку. Сделает изувеченную рыбью плоть своей собственной, перелепив ее по образцу давно позабытого истинного своего облика

и поплывет, покачиваясь на ленивых волнах, то ли вниз, то ли вверх по течению. Или же в обе стороны сразу.

Но пока что он каждый день промышляет сны. Начинающиеся и заканчивающиеся одинаково. Сны о себе самом и ком-то еще. Много о ком. В этих снах его называют Джон До.

Очередной сон просмотрен. Присоски один за другим отлепляются от неба. По мере того, как леса освобождает рыбу, ее глаза белеют. Последний присосок отделяется со чмокающим звуком. Серебристые вены-лески вырываются из воды и втягиваются в руки Джона До. Так быстро, что и заметить нельзя. Лишь легкий инверсионный след, состоящий из взвеси оброненных ими микроскопических капель.

Опустошенная белоглазая рыба уплывает прочь, чтобы когда-нибудь родиться в человеческом облики в одном из вероятных миров.

Да уж, забавная фитюлька – допущение. Никогда не знаешь, куда заведет.

Завтра увидимся.

Джон До

Из всех неопознанных трупов, когда-либо поступавших на попечение полицейских коронеров и дежурных прозекторов, этот, пожалуй, был самым непознаваемым. Если прочие добротпорядочные безымянные покойники располагали хоть чем-нибудь, за что можно было бы зацепиться, устанавливая личность, то этот мертвец являл из себя абсолютный информационный ноль. На одежде, в которой его находили, не было никаких бирок. Материал, из которого она была пошита, выглядел вполне обычным, однако его волокна категорически отказывались признаваться, естественного или же синтетического они происхождения. Одежда явно была ношеной, но совершенно невозможно было определить, как долго ее носили.

Особых примет этот труп так же не имел. Средний рост, средний возраст, лишенное всякой индивидуальности усредненное лицо. Один лишь пол не вызывал сомнений. Мужской.

Причиной смерти каждый раз являлись несовместимые с жизнью травмы и увечья, однако ни малейших более ранних прижизненных повреждений не наблюдалось. Ни шрамов, ни сросшихся переломов, ни следов вмешательства дантиста в ротовой полости. Дактилограмма, если бы она была снята, то же немало бы расстроила. Ни спиралей, ни завитков, только гладкая кожа – не мягкая, не грубая. Очень скучный труп. Трупы вообще народ не очень-то веселый и разговорчивый, но не до такой же степени...

Сонни-хохмач свою работу не любил. Ясное дело, должность ночного сторожа в морге – вовсе не предел мечтаний для выпускника престижного университета.

Когда-то Сонни подавал большие надежды. С отличием окончил медицинский факультет. Блестяще прошел интернатуру. Получил место ведущего хирурга в неплохой клинике. Планировал когда-нибудь заняться частной практикой. И занялся бы, когда б не его оригинальное чувство юмора, благодаря которому он и был прозван Хохмачем.

Руки у Сонни были чуткими и точными. Очень чуткими и очень точными. Но, такая беда, столь же шаловливыми и беспокойными. Они постоянно находились в творческом поиске. В поиске каких-нибудь сторонних действий, разнообразящих рутинную, в общем то, хирургическую работу.

Если нужно было оперировать в брюшной полости, Сонни, не считаясь с клинической необходимостью, производил обширное вскрытие. Его верный скальпель обрисовывал размашистую параболу от левого подреберья к правому. Сонни иссекал в нескольких местах мышцы пресса, раздвигал их, фиксировал зажимами и извлекал наружу кишечник. Сонни запускал руки в хитросплетения кишок и начинал представление.

Вы, должно быть, видели, как уличные шуты удивляют детишек, скручивая из длинных воздушных шаров различную лабуду: собачек, птичек, кошечек – кто во что горазд. То же самое вытворял и Сонни. Его руки с изумительной ловкостью и даже каким-то нездоровым изяществом копошились в человеческой тибухе, выуживая из нее на белый свет самых невероятных тварей. Куда там собачкам и кошечкам! Ассистировавшая Сонни медицинская бригада восхищенно хохотала и аплодировала.

Но однажды случилось несчастье. То ли Сонни что-то там перепутал, то ли узелок какой слишком туго завязал. Короче, кишечник лопнул. Просто взял вот так – и взорвался. Разметав вокруг бурые вонючие брызги. Его остаточное содержимое мгновенно оказалось в брюшной полости. Сонни тотчас приступил к чистке, но впопыхах умудрился задеть артерию. Сочетания этих двух маленьких неприятностей вполне хватило для того, чтобы больной отдал Богу душу прямо на операционном столе. Стоит воздать Сонни должное – перепачканный с ног до головы смесью крови и дерьма, он до конца боролся за жизнь пациента. Тщетно.

Тюрьмы ему удалось избежать. Бывший однокашник Сонни, ныне судебный антрополог, состряпал нужное заключение. Однако от запрета на медицинскую практику отвертеться не

вышло. Но и уходить далеко от медицины Сонни не желал. Надеялся, что рано или поздно запрет снимут. Сукин сын.

Так он стал ночным сторожем при морге. Вшивая работа... Для кого угодно. И для Сонни в том числе. Но Сонни умел мириться с жизненными неурядицами. Поэтому он вскоре обвыкся со своим новым занятием. И даже изыскал область приложения для своего юмористического таланта.

Сонни не на шутку увлекся рефлексологией. Сонни изучил акупунктуру. Сонни перечитал все научные труды, посвященные влиянию электрических импульсов на мышечную ткань. Как на живую, так и на мертвую. Сонни обзавелся целым арсеналом электрогенераторов. Сонни соединил их в замысловатую систему с центральным пультом управления.

В каждое ночное дежурство Сонни устраивал концерт. Из числа своих бессловесных подопечных Сонни выбирал наиболее одаренного и усаживал его за свой дежурный стол. Сонни клал перед ним портативный синтезатор и располагал пальцы покойника на клавиатуре. Сонни брал тонкие щупы-электроды, длинными проводами соединенные с системой генераторов и втыкал их в определенные акупунктурные точки на теле мертвеца. Ни дать, ни взять, – безнадежный больной на приеме у китайского шарлатана-иглокальвателя. Не хватало лишь дымящихся ароматических палочек.

Сонни вставал за пульт управления. Сонни жал на кнопки и крутил верньеры. Электрические импульсы заставляли мышцы и сухожилия мертвеца сокращаться. Сокращения мышц порождали движения. Пальцы мертвеца бегали по клавиатуре, извлекая из синтезатора звуки. Звуки сплетались в мелодию.

В начале дело шло туго. Но Сонни не отчаивался. Ночь за ночью он продолжал свои эксперименты. И так далеко в них продвинулся, что наловчился руками мертвеца исполнять на синтезаторе довольно сложные вещи. Из классики, в основном.

Сейчас Сонни стоял перед холодильным шкафом трупохранилища, намереваясь открыть одну из выкатных секций. Фронтальную панель секции украшал желтый стикер. На стикере было написано: «Джон До».

– Вылезай, Пеннарио! Слабаем Вагнера! – сказал Сонни и потянул секцию на себя. Джона До внутри секции не оказалось.

Рабочий дневник

Очарование чисел. Тайна чисел. Символизм чисел. Магия чисел. Древнейшая дешевая спекуляция изошренного разума на бесхитростной очевидности. По большому счету, никакой магии в числах нет. Нет в них и никакого самобытного, не зависящего от человеческой прихоти сакрального смысла.

Цифровая тайнопись. Шифровки. Шпионские переговоры. Законспирированный агент шлет в Центр депешу из аравийской пустыни. Семьсот строк кодированной числовой информации. Шифровальщик Центра прогоняет их через свои мудреные вычислительные машины. На выходе – восемь слов. «Пришлите новый холодильник, гандоны! Как же здесь жарко!!!»

Да уж, не самый лучший способ утаить в мешке шило. С одной стороны, бесконечность и поликомбинаторность числового ряда позволяют столь же бесконечно усложнять как коды, так и ключи к ним. А с другой – очень быстро наступает момент, когда конечный результат перестает окупать затраченные усилия.хлопотно и дорого, мать его.

Гораздо эффективней принцип «китайской грамоты». Той или иной пиктограмме соответствует то или иное число. Пиктограмма меняет свое значение по определенной формуле. Есть также алгоритм, согласно которому изменяются пиктограммно-числовые соответствия. В рамках одного и того же сообщения одна и та же цифра – пиктограмма может повторяться множество раз и иметь множество смыслов. Взломать такой шифр можно лишь изловив хранителя ключей к нему. По изловлении, подвесить чувака за яйца на высоком суку и мудохать до тех пор, пока не расколется. Если расколется. Разумеется, можно долго и не без удовольствия беседовать о методиках развязывания языков, благо, человечество продвинулось в изобретении пыток и орудий к ним куда дальше, чем в прочих инженерно-гуманитарных науках. Но суть сегодняшнего допущения – числа. Торквемада, дружище, не в обиду.

Безымянный первокаббалист в уютной лачуге при тусклом свете лампы с горящим в ней верблюжьим салом постигает высшую мудрость папирусного свитка. Этот свиток он давеча стырил у подвыпившего жреца бога Тота, при котором состоит в рабах.

«1 – Венец, Корона, Основа» – читает он. «О-о-о!» – произносит первокаббалист, воздев к потолку указательный палец и покачивая головой с выпуклыми бараными глазами.

«2 – Постыжение, Знание» – «И как же я раньше жил, не ведая ничего этого?!» – думает он ошеломленно.

3,4,5,6,7 – у каждого числа своя тайна. Свое сокровенное. Полунепостижимое. Грандиозное. Да ну на хуй.

Число 1 – это один апельсин, одно яблоко, одна безмозглая башка на костлявых рабских плечах и ни черта кроме.

Мифическая мировая змеюка Уроборос тяпнула себя за собственный хвост. При этом диковинно извернувшись. Без всякой задней мысли. Кто-то узрел в этом образ бесконечности.

Некий средневековый счетовод засиживался допоздна, сводя дебет с кредитом. Однажды так и заснул за бумагами. Как раз тогда, когда его перо выписывало цифру восемь. По тем временам выглядывшую совсем не так, как нынче. Или не совсем так. Что-то вроде половинки от сегодняшней. Отсеченной от нее по диагонали. Лишенная контроля рука как-то сама собой замкнула средневековый каракуль в портрет Уробороса. Поставленный раком. Учитываемая исходную позицию. Вообще без всякой мысли, как вы понимаете. Но циферка прижилась.

Естественно, тут же нашелся мудень, притянувший за уши одно к другому.

«Восьмерка символизирует бесконечность!»... Ага, как же...

С равным успехом она может символизировать жопу. Поэт из Чапековского рассказа наверняка бы согласился. «О, шея лебедя, о, грудь, о, барабан и эти палочки, трагедии знаменье!» 235.

По свидетельствам современников, Пифагор был не дурак выпить. И замысловато пошутить в подпитии такожде. Одной из таких шуток, дошедших до нас сквозь тьму веков, стала пифагорейская нумерология. Собравшая изрядную армию адептов и апологетов.

Нелепая, казалось бы, затея – любую цифровую комбинацию приравнять к элементарному числу, низводя ее к последнему путем простого сложения. И наделять это самое число таким количеством смыслов и качеств, которое оно по определению вместить в себя не способно. И, из этих данных исходя, предсказывать судьбы как отдельных простаков, так и простоватых народов. Лопухих стран. Лоховатых империй. Миллиардоголового планетарного олуха.

Даже анализ мочи дает больше оснований судить о возможности реинкарнации пациента в центрально-азиатского тушкана.

Справедливости ради: имеет место быть любопытное транскультурное совпадение. Иной суеверный европеец может обмочить штаны, повстречавшись с чертовой дюжиной. 13. Японцы, на что народ бесстрашный, завидев цифру 4, вообще обосраться готовы. Теперь сложим 1 и 3...

Как бы там ни было, от помянутой выше армии адептов и апологетов просто так не отвертишься. Живет идейка-то...

Но какова была бы ее судьба, озвучь ее не многопочитаемый премудрый Пифагор, а какой-нибудь изнеженный кинед на содержании местечкового царька? Пережила бы столетия? Держи карман шире.

Дело в харизме. Харизма идеолога – вот определяющий фактор жизнеспособности любой идеологии. Вовсе не обязательно обладать врожденным паранормальным даром. Выделись из массы. Прыгни выше всех. Плюнь дальше всех. Пердни громче всех, в конце концов. Что бы ты не сделал не так, как все, неминуемо найдутся те, кто тобой восхитится. Восхищение – и само по себе прекрасный крючок для человеческих душ. Присовокупь к крючку наживку-любую наживку – и ты в дамках. Можешь, смеха ради, выссывать в уши восхищающихся тобой любую ересь – проканает за чистую монету. Усиливай эффект – тренируйся в прыжках и плевках. Тоннами жри бобы, дабы твой метеоризм тебя не покинул. Учи своих последователей прыгать, плевать и пердеть. Но остерегись сам уверовать в высшее предназначение своих нечистот.

Есть харизматики-бессребренники. Есть харизматики-дельцы. Фантазия и тех и других удручающе скудна. Что бы они не намеревались выстроить изначально – получается корпорация. На знаменах дельцов значится – «Team Spirit». На хоругвях бессребренников – «Spiritus Sancti». Общее ключевое словечко. Общая цель – единство паствы. Перед лицом и во имя. Перед лицом конкурентных вызовов и во имя успеха. Перед лицом Конца Света и во имя Спасения. Общий подход к нивелировке индивидуальностей. Общие принципы построения иерархических структур.

Увы, последнего харизматика-подвижника растерзали львы на арене древнеримского цирка.

Последний Пророк проповедовал в 7-м веке.

Дельцы молниеносно освоили пустующую нишу. Любой новоявленный «божий помазанник» преследует вполне определенную цель. Замутить свой маленький гешефт. Иногда очень даже прибыльный. Из вложений – лишь благочестивое рыло и музыкальный сфинктер. Из прибылей – все, что угодно. Нужно лишь соблюдать простые правила. Блюсти приоритет пользования мирскими благами над собственным блядословием, позволившим эти блага снискать.

Дэвид Кориш – попутал приоритеты.

Сёко Асахара – тоже.

Весь бизнес коту под хвост.

Преподобный Мун в полном порядке. Щурит маслянистые азиатские глаза в довольной усмешке. Производит машинки для счета ассигнаций. Приторговывает оружием. Устраивает многотысячные одновременные свадьбы. Чисто по приколу. И в ус не дует.

Бессребренник Иоанн, переживший визионерский опыт на острове Патмос, не смог, описывая его, устоять перед очарованием чисел. Счел число зверя. Тем самым обеспечив харизматиков-дельцов тучным полем для жатвы их.

Просторный холл на первом этаже заброшенного здания. Стены и пол когда-то были облицованы мраморной плиткой. Теперь – нет. Лишь несколько фрагментов сохранились. Серый пыльный бетон. В помещении холодно и сквозит. В центре холла – что-то вроде алтаря. Две прямоугольных каменных плиты, уложенных друг на друга. На алтаре лежит нагой человек. Бывший человек. Нынче – иссохшая мумия. По состоянию кожи можно понять, что умер он недавно. Следовательно, иссох еще при жизни. Живот мумии в прямом смысле прилип к позвоночнику. Наверное, желудок сморщился до размеров грецкого ореха. Вместо почек – два невнятных пористых образования. Вроде пемзы, что ли. Все остальное обезводилось и рассыпалось в прах, пока человек еще дышал.

Вкруг алтаря в несколько рядов сидят люди. Облаченные в бесформенные балахоны. Балахоны грязны и засалены. До такой степени, что не понять, какого цвета пошла на них ткань. Никто не обут. Глаза у всех закрыты. Губы шевелятся. Они поют. Монотонный заунывный гимн. Ближний ряд составляют существа, мало чем отличающиеся от лежащей на алтаре мумии. Такие же изможденные. Даже пространные балахоны не могут скрыть крайнюю степень истощения. Голосов у них почти не осталось. Едва различимый шелест. Каждый последующий ряд несколько упитанней предыдущего. Самый последний ряд состоит из неофитов. Среди них есть даже несколько жирдяев и голоса у всех еще крепкие и звучные.

В одной из стен холла – металлическая дверь. «Грот предварительных мистерий» – намалявано на ней. Дверь открывается. Из грота предварительных мистерий выходит процессия. Впереди идет высокий человек атлетического сложения, в развевающейся тунике серебристого цвета. Волосы у него – длинные, вьющиеся. Пепельного оттенка. Античные черты лица. Глаза скрыты маской-домино. В его руках – большой мясницкий топор. Его спутники – двое невысоких крепышей в золотых туниках. Один несет на вытянутых руках большой свиток. Второй катит тележку, в которой находится какой-то прибор. Похожий на вакуумный упаковщик.

Процессия подходит к алтарю. Крепыш с тележкой становится в ногах лежащей на алтаре мумии. Крепыш со свитком заходит слева. Античный атлет – справа. Утвердившись на своих местах, они отвешивают мумии низкий поклон.

Свитконосец разворачивает свой свиток. На открывшемся взгляду полотне изображено условное человеческое тело. Расчерченное прямыми и округлыми линиями на сектора. На множество секторов. Постойте-ка... Где-то мы подобное видали... Точно! На скотобойнях. На свитке ничто иное, как схема разделки туши.

Атлет вздымает свой топор. Хор смолкает.

– Готов ли наш брат к небесам? – вопрошает он.

– Истинно, готов! – откликаются присутствующие.

– Отпускаем ли мы брата нашего? – вновь спрашивает атлет.

– Истинно, отпускаем! – отвечают адепты.

– Свершится ли предначертанное?

– Истинно, свершится!

– Да станет так! – и атлет обрушивает топор на мумию. Вновь и вновь.

Отсекая кусок за куском в точности по схеме, которую держит перед ним крепыш. Острие топора, встречаясь с алтарным камнем, высекает из него фонтаны искр. Оно оставляет на камне глубокие следы, но само не испытывает никакого ущерба. Очень прочный металл.

Второй крепыш тем временем мечется вокруг алтаря, собирая отсеченные части тела. Одну за другой он бросает их в приемный лоток вакуумного упаковщика. Машина гудит низким басом, заглатывая их на входе и опустошенно охает, выплевывая на выходе. Безупречно запаянными в полиэтилен.

Машина выплевывает последний кусок. Атлет устало опускает топор. Первый крепыш сворачивает свиток. Второй выключает машину. Неофиты встают со своих мест, по очереди подходят к алтарю и разбирают упакованные останки. Возвращаются по местам и вновь рассаживаются. Атлет с крепышами удаляются в грот предварительных мистерий. Через некоторое время они выходят оттуда, на сей раз с раскладными картонными коробками в руках. Они раздают их неофитам. Неофиты собирают коробки, вкладывают в них каждый свою упаковку с частицей расчлененной мумии и какие-то мелко исписанные от руки листки. Сверху набивают коробки всякой ветошью, для уплотнения. Потом заклеивают их и запечатывают. Скоро эти коробки разлетятся, разъедутся и расплывутся по всему миру, принося благую весть новым незнакомым братьям. Отчего же не допустить такую возможность?...

Продолжим завтра.

Тим

Сначала была чернота. Непроглядная. Совершенная. Затем где-то на ее периферии вспыхнула едва заметная искра. Вспыхнула и погасла. Словно и не было ее. Прошло время. Неопределенное. Может, секунда, а может быть – тысячелетие. Еще одна искра сверкнула. За ней – еще одна.

И еще..

И еще...

Каждая вспышка отдавалась пульсирующей болью в затылке. Чем чаще вспыхивали искры, тем лихорадочней и судорожней становился пульс боли. В конце концов искр стало так много, что их разрозненные идиотские мельтешения слились в более или менее упорядоченные всполохи. Разноцветные размашистые полосы по всему полю зрения. С неуловимой последовательностью сменяющие друг друга. Характер боли тоже изменился. Стал волнообразным. Как будто океанская волна накатывалась на берег и, разбившись об него и растеряв запал, медленно уползала назад, подныривая под следующий вал. В промежутках между накатами можно было жить...

В какой-то момент разнузданная пляска красок сменилась статичным черно-бело-серым фоном. И тотчас откуда-то сверху посыпались ледяные глыбы. Хотя, посыпались – не то определение. Глыбы опускались медленно, величественно, словно небожители, снисходящие к земной мерзости. Глыбы с глухим звуком соприкасались с землей и разбивались на миллиарды осколков, разлетающихся от эпицентра столь же величественно и плавно. Чертовы отморозенные фонтаны. Наследственность, на шарнире ее вертеть.

Ледяные осколки покрывали тело прохладным бодрящим слоем. Успокаивали боль.

В сердцевине черно-белой вселенной образовался размытый, тускло светящийся круг. Небольшой. Размером с дайм. Круг начал неторопливо разрастаться и обретать четкость. Сперва в кругу появился кусок потолка с горящей в пол силы люминисцентной лампой, потом ползущая по нему жирная трупная муха, затем в круг вплыло чье-то смазанное лицо. И вот границы круга доросли до границ привычного мироздания. Тим пришел в себя.

Тиму было не радостно. Болело все. Особенно свирепствовала голова. Тиму казалось, что в его затылке засело раскаленное пушечное ядро, чудом не разорвавшееся. Тим повернул голову вправо. Затем влево. Ядро оставалось неподвижным.

«Херня – подумал Тим – пройдет...»

Тим пошевелил пальцами рук и ног. Получилось. Тим попробовал согнуть ноги в коленях. И это ему удалось. Запястья и локти тоже функционировали исправно. Ныли, конечно, однако двигались. Это вселяло оптимизм.

Убедившись, что никаких серьезных повреждений у него нет, Тим наконец обратил внимание на сидящего около него человека. Человек был чрезвычайно тощ. Желтоватая кожа туго обтягивала череп. Щеки ввалились. Из-за этого глаза человека казались огромными. Почти как у контуженного инопланетянина из допотопного фильма. Человек улыбался тонкими бесцветными губами. От всего его облика веяло блаженным доброжелательным кретинизмом. Разве что нимб над головой не светился.

– Ты кто? – спросил Тим – И где я вообще? – Здравствуй, брат! – ответил человек – Ты в Обители. Я рад, что ты жив. – Рад он, – усмехнулся Тим – Это я рад, что не загнулся. Ну а тебе-то что с того?

– Ты можешь успеть, – сказал человек, возведя очи горе. – По ходу, каши с тобой не сварить... – вздохнул Тим – Ладно, чудо, давай по порядку. Как я здесь оказался? – Тебя нашел брат Иов. Вчера. Ты лежал прямо на улице. Весь облепленный гнилым мясом. Собаки объедали его с тебя. И крысы к тебе подбирались. Нюхали. Брат Иов отогнал собак и убил двух

крыс. Брат Иов подумал, что ты послан Духом. Поэтому он взвалил тебя на плечи и принес сюда. – ответил человек. – Гонишь?!-удивился Тим – Этот твой брат Иов, наверное, такой же бугай, как и ты? Как же ему удалось меня дотащить? – Иов из недавних братьев. Его вериги плоти почти первозданны. До того, как Мессия призвал его, он был чемпионом по реслингу. Долго будет его путь, – поведал человек с глубокой печалью в голосе – Может и не успеть...

– Ну и куда ж вы так торопитесь, братцы? – насмешливо поинтересовался Тим. – Разве ты не знаешь?! – искренне удивился человек – Мир заканчивается. Числа сходятся. Солнце чернеет. Неужели ты не замечал?!

– Ну, что солнце чернеет, это бывает. Если «белой лошадью» задвинешься сверх меры... – задумчиво произнес Тим. («белая лошадь» – жаргонное название героя. Прим. авт.)

– Вот видишь! – обрадовался человек – Белая лошадь – конь бледный. Но это не самое важное. Главное – числа. Они указывают. Они везде. Зверь везде. Все ближе. И я... Я скоро узрю знамения. И ты узришь. Если успеешь.

– Да мне как-то до фонаря. – дернул плечом Тим. – Так что там твои числа указывают? – Не мои числа. Его числа. Числа врага. Они указывают возможные даты. Когда всё закончится. И все закончатся. Мессия говорит, зверь уже здесь. Он рыщет. Он алчет. Он готовится. Нет, он уже готов. Но мы нашим служением ему препятствуем. Мы уже много дат отменили. Мы и те, кто служил до нас. Может быть, мы еще много дат отменим. Мы и те, кто придет. Ты тоже. Но Мессия говорит – скоро. Скоро замкнется круг. Скоро придут последние братья. Свершатся числа. Сбудутся знамения. Но до тех пор нужно успеть... – сбивчиво излагал человек.

– Успеть, успеть... Да что?! Что успеть-то?! – почти прокричал Тим, которого эта беседа начинала нешуточно утомлять.

– Вознесись-ответил человек благоговейным шепотом – Обрести на небесах обетованный удел.

– Зашибись...-резюмировал Тим.

Нависло долгое молчание. Тощий человек прикрыл глаза сухими веками и, казалось, задремал. Или сдох. По крайней мере, дыхания его Тим расслышать не мог, как ни напрягал слух.

Тим перевернулся на бок и, опершись на локоть, приподнял туловище. Тело отозвалось ноющей болью. Впрочем, вполне терпимой. Тим осторожно переместился в сидячее положение. Обхватил колени руками. Огляделся вокруг. Тим увидел просторный и совершенно пустой зал, если не считать здоровенного каменюки в самом его центре. Когда-то здесь имелись большие светлые окна, теперь наглухо заколоченные досками, щели между которыми были тщательно заделаны замазкой. Единственным источником света служила уже знакомая Тиму полумертвая люминесцентная лампа. Также Тим обнаружил три двери. Одна из них должна была вести наружу. Вторая, скорее всего – на лестницу. Третья говорила сама за себя. «Грот предвзрительных мистерий» – прочел Тим налечествовавшую на ней надпись. «Да, – подумал Тим – занесло же меня...». Тим помнил, как пришел вчера домой. Тим помнил невесть откуда взявшегося в его берлоге повешенного. Тим помнил телефонный звонок. Чей-то незнакомый голос. Что-то там сказавший со зловецей ласковостью...

«Кто-то хочет меня завалить... – соображал Тим – Но кому я на хрен сдался?! Может, Ларри? Вряд ли. Будет он морочиться из-за пары баксов... Ведь по-любому же к нему за дрянью приду, больше не к кому. Но кто тогда? И за что? И что делать? Свинтить куда-нибудь прямо сейчас или тут отсидеться? Вряд ли сюда кто сунется, кроме этих придурочных братцев...

Надо бы, конечно, сперва разобраться, что они здесь мутят вообще. А то мало ли...»

– Эй, как там тебя? – негромко позвал Тим – Ты жив? – Меня зовут брат Енох, – отозвался человек – И я еще здесь.

– Послушай, этот ваш Мессия, он кто? – спросил Тим. Енох молитвенно воздел руки и прошептал:

– Мессия – сам Бог! Он – Его земное воплощение. Он сошел с небес, чтобы найти избранных и спасти их. Он призывает нас, учит нас, избавляет нас от вериг плоти. С ним всегда приходят два ангела, ангел правой и ангел левой руки. Они помогают ему.

– И много вас здесь, избранных-то? – осведомился Тим.

– Нас – семь кругов. В первом кругу, кругу тех, кто готов к вознесению – семеро. В каждом последующем – двумя братьями больше. Мессия говорит, так должно быть. Чтобы препятствовать числам Зверя. Когда кто-то из первого круга возносится, лучший брат из второго занимает его место пред Алтарем. И так до последнего круга. Взамен духовно возросшего недавнего брата появляется новый, – ответил Енох. Говорил он с трудом, еле слышно, порою прерываясь и заикаясь, но, казалось, просвещать Тима ему было в кайф.

«Значит, около сотни...» – прикинул Тим в уме – А где же остальные? Почему здесь только мы с тобой?

– Сегодня – День Посланий. Вчера вознесся брат Исая. Недавние братья разносят вести. Остальные – с ангелами. Рвут последние путы... Я разорвал их три дня назад! – с гордостью за себя и радостью за братьев поведал Енох.

– Да ладно?! – изумился Тим – Это, должно быть, круто! Знать бы еще, что это за путы и как их разрывают...

– Последние путы – это путы имущества. Сперва мы освобождаемся от тех, на кого Зверь уже наложил свою печать. Мы уединяемся в Обители. Люди, которым суждено погибнуть – это первые и главные путы. Их разорвать труднее всего. Но мы справляемся. После этого расставаться с последними путами – легко и радостно. Расставшись с ними, мы уже наполовину возносимся. Остается лишь немного подождать, когда взгляд Господа падет на тебя. У каждого из братьев, до того, как Мессия призвал их, была мрачная жизнь, исполненная невежеством. В той жизни каждый что-то имел. Кто-то больше, кто-то меньше, но у каждого что-то было. Но вот Мессия рассеял мрак. Братья уже ни в чем не нуждаются. Они и прежде не нуждались, но никто из них этого не понимал. Они и представить себе не могли, что эти путы не позволят спастись, когда Зверя будет уже не удержать. Сначала Мессия призывает. Братья приходят и начинают служение. Когда они готовы – обрываются последние путы. Братья отказываются перед миром от всего, чем прежде владели. Но эти путы... Стоит одной душе освободиться от них, как они тут же полонят другую. Это делает Зверя сильнее. Но Мессия знает, как его одурачить! Никогда впредь сброшенные братьями путы не причинят никому зла! Ангелы принимают их на себя. Ангелам путы не страшны.

«Вот оно как! Сдается мне, кто-то здесь неплохо устроился!» – снизошло на Тима внезапное озарение – «Вопрос лишь в том, насколько неплохо. Явно, не по грошику собирают. Но – как?! Братец-то, ох, как не в себе. Ладно бы один, так тут их сотня. Да еще и новые прибываются...»

– Клёво придумано! – Тим изобразил восхищение. Восхищение вышло фальшивым, но Еноху, похоже, не было до этого никакого дела. – Это... Енох? Пожрать есть чего?

– В обители нет прежней пищи! – с укором ответил Енох – Предтеча Мессии говорил: – «Не хлебом единым будет жив человек, но и всяким словом Божиим!». Но Мессия сказал: – «Лишь Словом Божиим жизнь вечную обретешь!» Братья вкушают Слово. Оно слаще всех прежних яств. Оно насыщает, истончая вериги плоти. Мы становимся Словом, вкушая его. Вот оно – Слово! – Енох запустил руку за ворот своего балахона, что-то нашарил у себя на груди, после чего представил взору Тима небольшую керамическую амфору-кулон. Гролышко амфоры было плотно закупорено пробкой, а сквозь ее ручки проходил засаленный шнурок. Енох бережно снял амфору с шеи и протянул ее Тиму – Вкуси Слово, брат!

Тим принял амфору и, вынув пробку, легонько ее встряхнул. Внутри плескалась какая-то жидкость. Тим поднес амфору к носу и принялся. Горьковатый пряный запах. Не особенно резкий. Даже, наверное, приятный. Но очень беспокоящий. Тим почувствовал неожиданное, словно в омут затягивающее головокружение. Отпрянул. Внутренний голос подсказывал ему, что пробовать неизвестную жидкость не стоит.

– Знаешь, Енох, – сказал Тим, возвращая Еноху амфору – Тут мне только что Дух, который меня сюда привел, шепнул, что я, типа, еще не достоин.

– Истинно, Дух Божий говорит в тебе! – воскликнул Енох – Прежде, чем вкусить Слово, ты должен увидеть Мессию!

«Определенно, братец на чем-то крепко сидит. На чем-то мощном. Ларри такое и не снилось! – смекнул Тим – И остальные братцы, похоже, посажены.»

– Точняк! – согласился Тим – Дух так и сказал, мол, придет Мессия, все разрулит, тогда и причастишься. Расскажи-ка лучше, как Мессия вас призывает? Крещение там какое или обрезание?

– О, нет! Ничего такого. По разному бывает. Мы служим. Мы вкушаем Слово. Мы сами постепенно становимся Словом. К тому моменту, когда мы готовы вознестись, Слово полностью заменяет собой то, что было нашими веригами плоти. Когда брат возносится, Мессия с ангелами делят оставшееся от него Слово. Недавние братья берут частицы Слова и распространяют их. Никто не знает, где Слово найдет нового брата. Никто не знает, сколько братьев примут его, а сколько отвергнут. Мессия говорит, что когда никто не примет Слово, тогда Зверь восторжествует. Но пока братья прибывают. Послушай... Ты живешь невежественной жизнью. Тебя окружает мрак, который ты принимаешь за свет. Ты любишь эту жизнь. Ты доволен ею. Тебе дороги пути. Дороги вериги плоти. Это все потому, что Зверь облизывает твои глаза. Они начинают видеть мир не таким, каким создал его Господь. Ты наслаждаешься тем, что медленно разлагает тебя. Ты гниешь изнутри. Гниешь незаметно и необратимо. Сперва загнивают жидкости. Гниет лимфа, гниет кровь. Они становятся вязкими. Как смола. Они пахнут увядающими фиалками. Они разносят гниль по всему телу. Твое мясо превращается в смердящую слизь. Сердцевина костей становится прибежищем и пастбищем для глистных червей и личинок жутких трупоядных насекомых. Которых ты даже вообразить себе не можешь, настолько они уродливы. Зверь облизывает твои уши. Это меняет твой слух. Ты слышишь музыку, которая кажется тебе перезвоном хрустальных небесных сфер. На самом деле это утробное рычание насыщающегося тобой зверя. Это его желудочные соки. Они разъедают твой мозг, превращая его в зеленовато-желтую пузырящуюся бурду. От нее исходят ядовитые испарения. Не находя выхода из твоего черепа, они вгрызаются в твою плоть. Удобряя пастбища червей и личинок. Добавляя еще одну зловонную ноту в симфонию смрада, исходящего от твоего бывшего мяса. Зверь облизывает твои чресла, делая их ненасытными. Ты ищешь самку. Не одну. Чем больше, тем лучше. Чтобы оплодотворить их своим гнилым семенем. Чтобы увековечить Зверя в потомстве своем. Но однажды в твою дверь звонят. Или стучат. А может быть, ты, уходя на работу или по делам, открываешь дверь и видишь почтовую коробку, стоящую на придверном коврикe. На коробке – твой адрес. Имя не указано, однако ты понимаешь, что посылка предназначена именно тебе. Ты вскрываешь коробку. Ты находишь письмо. «Здравствуй, неизвестный брат!» – читаешь ты. Дальше следует Писание Мессии. Чарующие слова, озаряющие твое протухшее нутро Новым Светом. Бывает, что они не затрагивают тебя. Но это не важно. Самое ценное в посылке – частица Слова, подаренная тебе вознесшимся братом. И Мессией. В первую очередь – Мессией. Ты находишь ее. Тебе трудно понять, что это. На вид – упаковка какого-то субпродукта из супермаркета. Ты вскрываешь ее и прикасаешься к Слову. Именно в этот миг оно происходит. Ты слышишь Зов Мессии. Мессия призывает тебя причаститься к Слову. Ты с голодной жадностью набрасываешься на частицу Слова. Ты поглощаешь ее, почти не разжевывая. Слово становится тобой и ты становишься Словом. Слово возвра-

щает тебя в мир, такой мир, каким он был сотворен Всевышним. Зверь больше не властен над тобой. Зов становится все громче, все явственней. Ты понимаешь, что должен идти и каким-то образом знаешь, куда. Откуда бы не начинался твой путь, ты окажешься среди нас... – Енох выдохся и умолк.

«Вот это да!» – ошарашенно размышлял Тим. Все-таки, он не был круглым дураком и с памятью у него все было в порядке. В ней хранилось множество обрывочных бесполезных сведений о всякой всячине. Тим слышал о веществах контактного действия, проникающих через поры кожи и начисто уносящих чердак в параллельную вселенную, о консервантах, о соединениях, при длительном употреблении накапливающихся в организме, не причиняя коллектору видимого вреда, но чтобы какая-то хрень обладала всеми этими свойствами сразу, он и представить себе не мог. Разумеется, фактор вмешательства Высших Сил Тим в расчет не брал – «Ну и несет же братца! Не приведи Господь...»

– Енох, – окликнул Тим – Скажи, а вас не трогают, ну, эти, гнилые, из неправильного мира? Копы, к примеру? Или бандиты?

– Как они могут нас тронуть? – изумился Енох – Мы под защитой Бога и Мессии. И потом, у Мессии есть названный брат. Он большой святой. Ради спасения избранных он принял на себя множество пут. На милю вокруг обители все принадлежит ему. Ничто здесь не случается без его ведома.

Тим знал, что квартал намереваются сносить. Ему было известно, что подряды на снос и на новое строительство принадлежат корпорации, негласно возглавляемой неким крупным мафиози. Теперь вот выяснялось, что последний еще и великий праведник. Практически равноапостольный. Еще один вопрос беспокоил Тима. Его он и задал: —

– Ну, допустим, призвал тебя Мессия. Пришел ты. Служить стал. Сколько времени служить-то нужно, чтобы вознестись?

– Служение наше днями не измеряется. Один раз встав на путь Духа Божьего, ты никогда с него не сойдешь. Даже там, в небесном уделе. Мессия говорит, я скоро вознесусь. По меркам прежней жизни я служу в Обители три месяца. – ответил Енох.

«Все сходится,» – рассчитал Тим. Однажды он украл телевизор. Телевизор был старый, работал паршиво и почему-то показывал лишь один канал. «Дискавери». Пока телек окончательно не сгорел, Тим, сам того не осознавая, много чего нахватался. Теперь вот вспоминал. Передача называлась «How to survive?». В числе прочего в ней говорилось о том, как долго можно прожить без пищи и воды. Сроки были поменьше, но учитывая чудодейственные свойства шняги, которую потребляли тутошние братцы, можно было дотянуть и до трех месяцев.

Внезапно Тим осознал весь чудовищный масштаб происходящего в Обители. Осознание пришло в образах. Тим представил себе фабрику смерти замкнутого цикла. Тим увидел длинный конвейер. Один за одним на ленту конвейера всходили люди. С виду вполне нормальные. Лента конвейера проходила сквозь расположенные на равных расстояниях друг от друга никелированные сверкающие сооружения цилиндрической формы. Внутри сооружений находились хитрые агрегаты, что-то вроде огромных соковыжималок. Но это были очень деликатные соковыжималки. Каждая из них отбирала у человека свою, строго определенную долю соков. Жизненных сил. Соки стекали по прозрачным трубам в циклопических размеров автоклав, в котором кипела своя занятая работа. Соки обезличивались, стерилизовались, выпаривались, спрессовывались в бумагу и выползали из автоклава сквозь узкую щель в его корпусе хрустящими свежотпечатанными ассигнациями. Конвейер подносил до суха выдоенного человека к последнему цилиндру, выдавая на выходе завакуумированные куски грудинки, окорока, шейки, оковалка... Специальный автомат маркировал эти куски, наклеивая на них этикетки с надписью: «Expiration date – eternity» ...

Тиму стало не по себе. Причем не столько от красочности и реалистичности представленной им картины, не от тошнотворной жути, которую она навевала, сколько от неожиданного открытия в себе умения мыслить столь объемно и ярко.

«У меня есть фантазия...» – ошеломленно констатировал Тим. Тим мотанул головой, строя видение. Образы исчезли, но тяжелый, ощущаемый физически осадок все еще колыхался где-то в области желудка. С трудом подавив рвотные позывы, Тим обратился к Еноху с совсем уж пустячным вопросом:

– А если бы посылку получила баба?

– Ангел правой руки однажды обмолвился, что есть еще одна Обитель. Для сестер. Мы сочетаемся с ними на небесах... – Едва договорив, Енох вдруг поперхнулся и закашлялся. Потом кашель перешел в низкий протяжный хрип. Глаза Еноха подернулись мутной пеленой и стали стекленеть. В его горле что-то клокотнуло, затем две напористых, но коротких струи ржавой коричневой сукровицы вырвались из его ноздрей. Тщедушный ручеек той же сукровицы вытек из уголка рта. Легковесное тело покачнулось и медленно, словно перышко, ни малейшего звука не издав, упало на бетонный пол.

– Эй, ты чего?! – крикнул Тим и вскочил на ноги, позабыв о своих ушибах. Тим склонился над Енохом и попытался нащупать биение сонной артерии на его шее. Пульса не было.

– Типа, вознесся братец... – вслух сказал Тим самому себе – И что теперь делать?...

«Валить!» – подсказал ему внутренний голос.

Тим направился к двери, которая, как он думал, выводила прямиком на улицу. Дверь оказалась заперта. Снаружи. Тим метнулся к следующей. И эта оказалась задренной. Оставался Грот предварительных мистерий. Тим проследовал к нему. Пихнул дверь ногой. Та, натужно скрипнув на давно не смазывавшихся петлях, медленно отворилась.

«Интересно, – подумал Тим – комнатенка-то, наверно, запретная. Но не закрыта почему-то... Хотя эти торчки, небось, и помыслить не могут, что можно вот так вот зайти... Оно им, по ходу, и не нужно.»

В гроте было значительно светлее. Там оказалось окно, выходящее на задний двор. На окне – вертикальные жалюзи. Сквозь них-то и пробивался солнечный свет. В стене напротив Тим увидел дверь черного хода. В замочной скважине торчал ключ. Тим облегченно выдохнул: «Уф-ф-ф!»...

Тим вступил в грот и огляделся по сторонам. Вдоль стен располагались открытые стеллажи, на полках которых были упорядоченно расставлены всякие химические приبلуды. Колбы, реторты, перегонные кубы. Банки-склянки с реактивами, названия которых Тиму ни о чем не говорили.

«Ничего себе! – оценил ситуацию Тим – Нормальные предварительные мистерии! Значит, прямо здесь свое зелье и гонят. А чего стесняться при такой-то крыше?»

Перед окном стоял основательный рабочий стол с обитой жестью столешницей. На столешнице находились две газовые горелки и пресс-папье с треугольным флажком. На полотнище флажка Тим разглядел собственное имя.

Тим подошел к столу. Под гнетом пресс-папье лежала записка. Тим отодвинул пресс-папье и взял в руки смятый листок. Нарезанные из газет буквы слагали текст. «Как в триллере» – усмехнулся Тим.

«Привет, Тим! Меня хотели заставить играть на пианино. А меня заломило. И слуха нет. Тем более, у нас с тобой незавершенное дельце. Джон До.» – прочел он. И в ту же секунду почувствовал, как кто-то, абсолютно неслышно подкрававшийся сзади, положил руку ему на плечо. Тим резко обернулся. Джон До, целехонький, как будто и не было разнесшего его на молекулы взрыва, но все такой же мертвый, с выпученными шариками-глазами, с багровой странгуляционной бороздой от веревки на шее стоял перед ним. Стоял и лыбился.

– Бля, тебя еще здесь не хватало!!! – заорал Тим, ринувшись к черному ходу. Ключ повернулся легко и уже через миг Тим, сверкая пятками, улепетывал по тесному, заваленному мусором переулку. Вопреки его ожиданиям, нового взрыва не последовало.

Рабочий дневник

Любопытство и лукавство движут цивилизацию. Любой качественный скачок в ее развитии обусловлен либо случайным открытием некоего революционного принципа, ставшим следствием того, что какой-то полуидиот-полугений влез-таки в трансформаторную будку с табличкой «Не влезай, убьет!» (причем без всякой осмысленной цели, да еще и жив остался по нелепой случайности), либо намеренным долгоиграющим введением человечества в то или иное заблуждение. Любопытство и лукавство в некотором роде антагонисты. Но чаще всего действуют сообща, поскольку и то, и другое прекрасно осведомлены о кумулятивном эффекте, который они способны произвести. Чем больше в мире лукавства, тем оно очевидней. Не для всех, но для некоторых. Пусть немногочисленных. Но и этих жуков-короедов вполне достаточно для того, чтобы успешно подточить деревянные сваи, на которых покоится такая же бревенчатая лачуга современного им мироустройства. Чем очевидней лукавство, тем острее любопытство короедов. Чем острее и настойчивей их любопытство, тем изощренней и убедительней лукавство системы. Не важно, что пересилит в конечном итоге. Победившее любопытство, утвердившись на вершине пищевой пирамиды, неминуемо начинает лукавить. Ровно с той же степенью настойчивости и изобретательности. Стимулируя подрастающих короедов на новые подвиги и свершения.

Однако, это лишь частный случай. Идеальное допущение. Действительность же от идеала, как всегда, далека. Любопытные по большей части лукавы и редко встретишь лукавца, лишённого любопытства. И это не радует. Если в идеале вырождение чистого любопытства в чистое лукавство обеспечивает непрерывное движение к вершине и последовательную ротацию перспективных носителей витальности, то реальное положение вещей способно довести особо впечатлительных до веревочки с мыльцем. Или до спускового крючка с пальцем. Или до гири на вые и ближайшего водоема. Перечень не полный. Дополните по возможности. Тут уж все зависит от личных предпочтений.

Любопытство и лукавство погубят человечество.

Масштаб разрушительных действий разный, результат один.

Любопытство губит одиночек.

Лукавство уничтожает народы.

Любопытство сгубило мадам Бовари.

Лукавство разъело Римскую империю.

В реестре качеств и свойств, отличающих человека от животных, лукавству и любопытству по праву должны принадлежать первые места.

Животное может быть любознательно, но не любопытно. Любознательность – чувство продуктивное. Обнаружить необычное. Исследовать его. Оценить возможную пользу. Обнаружить издалека. Исследовать, соблюдая дистанцию. Осмотрительно. Полагаясь на инстинкты. Доверяя им. Оценить быстро, окончательно и однозначно.

Любопытство – качество бестолковое и противоречивое. Бескорыстное и меркантильное одновременно. Презирающее инстинкты, вопящие: «Стой, блядь, башку же свернешь!!!». Вопят – и хер бы с ними. На то они и инстинкты, чтобы истерить. Не гоже человеку разумному идти у них на поводу.

Любопытство склонно к допущениям и гиперболам. Завидев покров тайны, оно немедленно допускает, что за покровом находится что-то из ряда вон выходящее. Предмет или знание, обладание которыми стоит риска расстаться с жизнью. Такой никчемной без вот этого самого. Того, что за покровом. За которым запросто может сидеть, раздувая звуковые мешки, самая обычная жаба. Хорошо еще, если из семейства *Vufa Vufa*. Заставь ее хорошенько пропотеть, слижи с нее пот и тогда, возможно, действительно увидишь нечто экстраординарное.

Но кратковременное и эфемерное. В этой, единственно доступной человеческим ощущениям вселенной не существующее. А дальше – горькое разочарование и закономерное скорое наказание за дерзость.

«Надул, сука такая!» – визжит праматерь Ева, швыряя вослед уползающему змию ржавящий огрызок – «Яблоко как яблоко!!!»

Змий оглядывается, подносит кончик хвоста к пасти и, ухмыляясь, посылает Еве воздушный поцелуй. После чего бесследно скрывается в райском разнотравии. Ева с Адамом собирают нехитрые пожитки и, понурив головы, плетутся на восток от Эдема. Преследуемые Господним проклятием.

«В поте лица своего станешь добывать хлеб свой!»

«В муках и крови будешь рожать детей своих!»

Животное умеет хитрить, но не умеет лукавить. Кривить душой. Решать иные задачи, кроме обеспечения собственной безопасности. Человек лукавит напрапалу. Пусть даже не ради конкретной цели, зато имея ввиду множество потенциальных.

Любопытство и лукавство – неперенные атрибуты любой из сфер социальной жизни. В этом смысле изучение общественного мнения и социологические опросы – бесспорный апофеоз их многоприсутствия. Игра с невозможным количеством уровней, смысл которой не ясен никому. Никогда не поймешь, кто более любопытен – тот, кто организует подобные мероприятия, или те, кто в них волей-неволей участвует. С чьей стороны исходит больше лукавства? Со стороны последышей старины Гэллага, убеждающих заказчика в чрезвычайной полезности периодического проведения подобных перформансов? Со стороны самого заказчика, который на самом деле желает выяснить совершенно не то, что декларирует? Или же со стороны представителей населения, которых, собственно говоря, и допрашивают настырные интервьюеры?

И каждый из них, и со стороны каждого...

Не верите? Вот вам наглядный пример. Зайдите в любой гипермаркет или в крупный торговый центр. В девяти из десяти случаев вы обнаружите там стенд с закрепленной на нем урной. Вроде избирательных. На стенде будет написано: «Помогите нам стать лучше!». Или «Что мы еще можем сделать для вас?». Или что-нибудь еще в том же духе. На стенде будут висеть подшивки с анкетами. В анкете вам предложат ответить на ряд вопросов и выставить ряд оценок. По категориям. Качество товаров, уровень цен, квалификация персонала, чистота сортиров и все такое. И, наконец, попросят высказать ваши личные, неизмеримо ценные для гипермаркета предложения и пожелания. Лукавство!

Гипермаркету плевать на ваше мнение. Ему до нейтронной звезды ваши мысли по поводу того, как организовать взаимоотношения с вами наилучшим образом. Обратная связь, если и существует, то формальная, выборочная и крайне не оперативная. Вы можете уже забыть, что однажды имели неосмотрительность заполнить анкету и бросить ее в урну, искренне полагая, что совершаете благое дело. И вот через полгода, а то и через год вам звонят. Юноша или девушка. Веселые голоса. Вы с трудом припоминаете, что да, был такой случай. Да, что-то там написал. Да, думаю, что это важно. (Хотя вам уже давно все по хрену. Да и всегда было по хрену. Просто дремлющая гражданская сознательность нежданно-негаданно прочухалась и вновь провалилась в забвенье. Успев нагадить.)

– Спасибо вам за сотрудничество! – весело говорит юноша или девушка. – Ваше мнение исключительно важно для нас! Ждем вас с новыми идеями! – и вешает трубку. Ставит заветную галочку в журнале рутин по отзвонам. В мире ничего не меняется. В гипермаркете тоже.

– Поздравляем, вы – лох! – лучезарно улыбаясь, говорит юноша или девушка и закрывает журнал. Пыльный. Используемый раз в год по обещанию.

Зачем же тогда нужны эти стенды? Эти урны? Эти опросные листки? Резон прост, как домашний шлепанец. Определить, какой процент покупательской массы готов приобретать

здесь товары, не взирая ни на что. На грязные отхожие места, на ленивых сотрудников, на прогорклый кетчуп в местном бистро. На все, за что и морду набить не грех.

Достаточно подсчитать количество заполненных бюллетеней и экстраполировать его на среднестатистический показатель общей посещаемости магазина. Доля равнодушных оказывается ничтожно мала. Запомните: вас просят подсказать, что необходимо изменить, именно для того, чтобы ни хуя не менять! Не плодить сущностей без необходимости. Практическое применение бритвы Оккама.

Справедливости ради – всю эту дребедень с определенной периодичностью отчитывает специально обученный человек. Вот это – как раз таки неприкрытое любопытство. Поскольку читать бывает интересно. Ибо далеко не все заполняют анкету и делятся предложениями и пожеланиями по причине внезапно кольнувшего в задницу шила гражданской сознательности. Кто-то делает это из любопытства. Кто-то из лукавства. Кто-то из обычного идиотизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.